

3 1761 088212824

LR
B1945dar

Bal'mont, Konstantin Dmitrievich
Ларъ землѣ.

Title transliterated:
Dar zemlye

К. Д. БАЛЬМОНТЬ

ДАРЪ
ЗЕМЛЪ

ПАРИЖЪ

1921

ДАРЪ ЗЕМЛЪ.

Bal'mont, Konstantin Dmitrievich

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

ДАРЪ ЗЕМЛЪ

Dar zemlye

ПАРИЖЪ.

—
1921.

LR
B1945 dar

570387
L.10.55

МАТЬ МОЯ.

Мать моя, люблю твои одежды,
Изумрудный шелкъ и бархатъ бѣлый,
Постушъ тигра, штанки голось смѣлый,
Океана синіе предѣлы,
Лицъ дремотныхъ тѣневыхъ вѣжды.

Мать моя, бываешь ты безумна,
Но за мигомъ крайнихъ вступленій
Ты даешь душѣ восторгъ моленій,
Красочное таинство растеній,
И споны, упавшіе на гумна.

Мать моя, ты миѣ дала дерзанье,
Я спускался въ пропасти безъ счета,
Отъ всего иду еще во чѣ-то,
Я люблю опасности полета,
Я лечу, хотя-бы на истязанье.

Мать моя, къ тебѣ я съ малымъ даромъ,
Я, твой сынъ, всегда тебѣ покорный,
Ты прими мой стихъ, мой звонъ узорный,
Я люблю тебя и въ безднѣ черной,
Я горю, но не сожженъ пожаромъ.

ДАРЬ ЗЕМЛЯ.

Та кровь, что передъ иѣжной красотою
Въ горячемъ сердцѣ билась родникомъ.
Еще другая, та, что предъ врагомъ.
Курчавилась и пѣнилась враждою, —

Вошла изъ слова, и звучной чередою
Пронѣла стихъ и расцѣла цветкомъ,
Еще тотъ сиѣгъ, что съ пылью незнакомъ,
Въ комокъ слѣниъ, обрызгали я звѣздою.

Все это сочетанъ, зазывомъ чаръ,
Я взялъ еще и горсть родной землицы,
И два пера изъ крыльевъ быстрой птицы, —

Свой старый домъ поджогъ, раздулъ пожаръ,
Въ разбѣгѣ строкъ застыли зарницы,
И отдалъ я Земль мой малый даръ.

ЖЕЛТАЯ РОЗА.

Расплавленное золото въ зеирѣ,
Округлый щитъ, огнеобъемъ, вулканъ,
Весь въ огневзлетахъ желтый Океанъ,
Стремящій — ходъ лучей — все глубже, шире,

Однимъ тобой я избранъ къ жизни въ мірѣ,
И скѣтлый ликъ и даръ пѣща мнѣ данъ,
О, роза безднѣ, небесный Голистанъ,
Верховный знакъ, чтобы звукъ зажегся въ лирѣ.

Люблю тебя, какъ въ сѣжіе тѣ дни,
Когда твой ликъ я желтымъ видѣлъ чудомъ
Надъ разинимъ травянистымъ изумрудомъ.

Въ тебѣ сторожевые есть огни,
Вся кровь моя полна Пасхальныхъ гудомъ,
Я принялъ въ духъ свой Солнце искони.

ЗЕЛЕНИЙ ДИСКЪ.

Зелений дискъ явилъ свои узоры
Съ разбѣгомъ тонкихъ вытканныхъ лучей,
И въ звучномъ сердцѣ стало идругъ звончей,
Узоръ стиха въ отвѣтъ на тѣ уборы.

Тамъ были срыва, кратеры, и горы,
Мельканья копий, вѣялье мечей,
Быть свѣтлый споръ, гадало сердце: «Чей?»
И минлось, что отвѣтъ возникнетъ скорый.

Волна волшебствъ зеленыхъ за волной.
Уснули тигры въ мраморномъ чертогѣ.
Оконченъ день. И утомился зной.

На сердце — сердце иѣжной шло войной.
И этотъ щить въ бояхъ, гдѣ боятся боги,
Мы изъ нашихъ дияхъ, всегда зовемъ — Луной.

СИМФОНИЯ.

Гдѣ грань земли и влаги, выплыть ликъ,
Входящій, желтый, съ силою внушенья,
Въ равнинѣ водь зазыблось движенье,
И свѣжій, тиши порвавши, плескъ возникъ.

Онь перешель въ протяжный влажный кликъ,
Во вслѣвахъ волиъ все дышать окруженье,
Въ Лунѣ вверху магнитъ воображенья,
Въ гаубинахъ взрывъ, что съ часомъ будетъ
дикъ.

Колдуны бѣгъ волнамъ къ себѣ позывала,
Сама скользить въ сіяніи нѣмокъ,
Волна ростетъ и избила гребнемъ вала.

И воли на воли какъ будто домъ на домъ.
Луна велитъ. Въ лучѣ зазывъ кимвала.
И Океанъ бросаетъ къ небу громъ.

ГОВОРЫ.

Лепечущая пряжа щебетанья
Отъ ласточки до дремлющей души,
Летящій звукъ: «Люби! Живи! Спѣши!»
Мгновеніе — основа мірозданья.

Морской волны сѣдое бормотанье,
Органный борь въ разбуженной глаши,
Всѣ говоры вѣшанья хороши,
О, вѣтерь, хорошо твое рыданье.

Свободный духъ, ты носишься въ степяхъ,
Живая воля, вѣчно молодая,
Ты амъемъ вѣши, зыбью пропадая, —

Качаешь цѣль на длинныхъ ковыляхъ,
За Морежь былъ, сверчкомъ поешь въ сѣняхъ,
Къ воспоминанью сердце убѣждая.

ПЛАМЕЦВѢТЬ.

Обрывокъ ткани, кровью напоенный,
Пронизанный играющимъ огнемъ,
Расцвѣть въ кустѣ. И задержался пъ немъ
Неспѣтый вспѣхъ души, пъ любовь влюбленной.

Прицѣпникомъ кровавымъ окаймленный,
Внутри — цвѣтокъ, какъ малый водоемъ,
Гдѣ взага — золото. Онъ насыщенъ днемъ,
Онъ спаянъ Солнцемъ въ перстень сновъ зажженній.

Цвѣтокъ Теноктитлана давнихъ дней,
Цвѣтной костеръ Египта и Алжира.
Бесѣдка лепестковая огней.

Кто быть въ любви, тотъ будеть вѣчно въ ней.
Я бросилъ сердце въ это пламя міра,
И вижу взлетъ горящихъ ступеней.

РАДУГА.

Летящий свисть высокаго стрижа.
Июльскій сумракъ. Розовыя крыши.
Гроза прошла. И въ сердцѣ стало тише.
Мысль ворожить, всѣль въ мірѣ дорожа.

И красный и зеленый есть межа.
И синій въ синемъ. Дальше. Глубже. Выше.
Провѣялъ зыбкій летъ летучей мыши.
Средь ста колосьевъ на одномъ есть ржа.

Средь тысячи безумныхъ начинаний
Одинъ ударъ мгновеннаго разца
Даетъ восторгъ сознанью безъ конца.

Синти, лазурь. Цвѣти, любовь въ туманѣ.
Я знаю боль молитвы чернеца,
И семь межей, цвѣта престольной ткани.

ПОГАСНЕТЬ СОЛНЦЕ.

Погаснетъ Солнце въ земной вышинѣ,
И звѣзды не будеть въ воздухѣ незримомъ,
Весь миръ густымъ затянутъ будеть дымомъ,
Всѣ громы смолкнутъ въ вечной тишинѣ, —

На черной и невидимой Лунѣ
Внутри возникнетъ зной костромъ палимыть,
И во тропамъ, волѣть неизслѣдимымъ,
Вся жизнь уйдетъ къ безвестной сторонѣ, —

Внезапно въ шаль всѣ обратятся травы,
И соловьи разучатся любить,
Какъ звуки, растаютъ войны и забавы, —

Вздохнувшъ, исчезнетъ въ мирѣ духъ луковыи,
И будетъ равныи быть или не быть. —
Скорѣй, чѣмъ я смогу тебѣ забыть.

ЧЕТЫРЕ ЗВЕНА.

Въ ребенкѣ, грудь родимую сосущемъ,
Незримая, глубоко дремлетъ страсть,
Отецъ и мать въ него вложили власть,
Когда возникъ онъ поцѣлуемъ пьющимъ.

Онъ выростетъ. И въ синѣ быстротекущемъ, —
Вся жизнь есть сонъ, и въ сны онъ долженъ
власть, —

Ротъ будетъ цѣловать, и приметъ часть
Въ наслѣдствѣ древнемъ, изначально-сущемъ.

Онъ будетъ остывать и холодѣть.
Онъ будетъ въ смысль дней совѣтъ студеныхъ.
Быть золотомъ. Сталь серебромъ. И мѣдь.

Все будетъ винѣ влажить его по склонамъ,
Гдѣ трубно будетъ колоколь гремѣть,
Когда желѣзнымъ смерть сковать закономъ.

БРЫЗГИ.

Обрызгана холодными слезами,
Въ туманъ и дымъ легко облечена,
Склонилась привидѣнія Луна,
Застыла надъ октябрьскими лѣсами.

Какими отзовется голосами
На зорь души ночная тишина?
Душа людей, ты безъ Отца, одна.
Безъ Матери. Свой домъ постройте сами.

За каплей капля, долгіе вѣка,
Дробить кремень, протачиваетъ горы,
Изъ дикихъ глыбъ ткетъ стройные соборы.

За каплей капля, мощная рѣка
Проходить семистранные просторы.
Плачь, сердце. Тайна зданья глубока.

ТИХАЯ МИНУТА.

Изъ бури въ тишину спокойный мостъ,
Вдвойнѣ, за ливнемъ, изумрудна туй.
На шкафѣ вырѣзномъ глухарь, токуя,
Распространилъ дугой свой вѣрь-хвость.

Какъ этотъ мигъ пѣвичеленъ и простъ.
Не плача, не жалѣя, не ревнуя,
Въ картинахъ стѣнъ читаю старину я,
Миѳ чудится весна и розынь звѣздъ.

Предутренняя, ткеть туманъ прохлада.
Изъ звѣздъ и предразсѣтной тишины
Встаетъ любовь, окутанная въ сны.

Все въ прошломъ было такъ, какъ это надо.
Отшедшая, глядитъ живой отрада,
Какъ этотъ лось, глядящій со стѣны.

ПУТЬ.

Посеребрить какъ бѣлую Луну
Свою мечту, отбросивъ тѣневое.
Любя, ронять мгновенныя изъ авѣдноянъ робъ.
Сгустить свой духъ какъ Солице. Впить весну.

В obratъ иль себя морскую глубину.
Избрать разбѣготь небо голубое.
Жить иль скрипкѣ, барабанѣ, и гобой.
Быть иль сотни скрипокъ, слившихся въ волну.

Пройти огнемъ по всѣмъ вершинамъ горныхъ.
Собрать цвѣты столѣтій тутъ и тамъ.
Идя, прильнуть душой ко всѣмъ цвѣтамъ.

Хранить себя всегда напѣвно-зорнымъ.
Путь сопричастья круглымъ тѣмъ шарахъ,
Что ночью строять храмъ и провалѣ черномъ.

КОСТЕРЬ.

Онъ былъ вождемъ. И шли за нимъ дружины,
Какъ за матерымъ волкомъ сто волковъ.
Мы грабили селенъя береговъ,
И пили меда полные кувшины.

Отъ вьюги вдалъ. На Югъ отъ бѣлой льдинъ.
Всегда впередъ, и никакихъ оковъ.
Онъ счастливъ былъ, увидѣвшіи враговъ,
Семь лезвія — восторгъ душѣ единій.

Семи мечей былъ поцѣлуй остеръ.
Обрушенъ дубъ ударомъ дровосѣка.
Развязанъ узелъ волей Трехъ Сестеръ.

Вождю высокій разожженъ костеръ.
Я паяль свирѣль изъ кости человѣка,
И пѣснию славы грусть утраты стеръ.

ОЛЕНЬ.

Полнеба взято Стверины мъ сияньемъ,
Горящей ризой неба надъ землесй.
Даль Ствера полна молочной мглой,
Застыло Море круглымъ очерташень.

Пѣть счета снежно-льдянымъ созиданьемъ,
Скала звенитъ. И вѣтеръ надъ скалой
Изъ снѣга строить небу аналой,
Поеть псалмы, и тѣшится рѣданьемъ.

Отъ облака бѣжитъ проворно тѣнь.
Мечтая о приснившемся обѣдѣ,
Лежать какъ груды бѣлые медведи.

Не яракъ. Не свѣтъ. Не часъ. Не ночь. Не день.
На вышинемъ небѣ ковшъ изъ желтой мѣди.
И смотрѣть въ вѣсъ, поднявъ рога, олень.

ВЪ ГОРАХЪ.

Отъ горъ исходить вдохновеніе,
Въ нихъ многоизѣденъ ходъ ночей.
Въ снѣгахъ молчанье откровенія,—
Будь вѣренъ Родинѣ своей.

Вершины манять въ отдаленіе,
Въ уступахъ пѣнится ручей.
Забросивъ брызги влаги въ пѣниe,—
Будь вѣренъ Родинѣ своей.

Отъ птицы къ птицѣ — устремленіе,
Восторгъ души — разрывъ цѣпей.
Любя острійный мигъ боренія, —
Будь вѣренъ Родинѣ своей.

Ты съ дѣтства зналъ орловъ пареные,
И долгій говоръ журавлей.
Такъ не мніай предизначенія,—
Будь вѣренъ Родинѣ своей.

ЗОЛОТЫЕ СТОЛБЫ.

Золотые столбы лучей
Отразились въ иѣмомъ пруду.
Разливаются крики грачей,
Я весною къ тебѣ приду.

Еще слышится талый снѣгъ
Въ холодкѣ красноватыхъ зорь.
Но минутъ неизбѣженъ бѣгъ,
И когда я приду, не спорь.

ВОРОЖБА.

Наклонилась, изогнулась, распахнулась, в
онять
Въ прежнемъ лиѣ неподвижна, вся—лелѣйныхъ
тайи печать.

Покачнулася, и дохнула всею сѣжестью весны,
Забытъя благовониа ткань воздушной блузы.

Наклонилась, и, обята дрожью легкою, она
Вся винимаетъ, какъ ей звонко безъ конца поеть
струна.

Это кто-же? Та, въ кожь иѣжность, съ тѣмъ, кто
хотеть ей владѣть?
Съ кѣмъ вдвоемъ цѣсти желанно, и заткать
мгновеніе въ сѣть?

Нѣть, другое. Это только, въ сладкомъ малыи
своемъ,
Въ вешнемъ вихрѣ вѣтка вишни въ перекличѣ
со шмелемъ.

НОЧНАЯ БАБОЧКА.

Бѣлая бабочка сказки полночной
Съ полнымъ довѣремъ миѣ на руку сѣла,
Зыбятся усики дрожью урочной,
Все изъ неї загадочно, четко, и смѣло.

Я наклоняюсь, и вотъ миѣ не странно
Тайно бесѣдоватъ съ малымъ созданьемъ,
Ей теплота человѣка желания,
Я уноютъ блокрылья свиданьемъ.

ДРЕВНЬИ.

Я чувствую, что я древніе, чѣмъ Христосъ,
Древніе первого изъ столѣтіяхъ Іудея,
Древній, чѣмъ Индія, Египетъ, и Халdea,
Древній, чѣмъ первыхъ горь пылающій откосъ.
Я былъ еще тогда, какъ въ воздухѣ разыятомъ,
Среди безжизненныхъ пылающихъ пространствъ,
Въ предчувствіи нѣмомъ сверкающихъ уб-
ранстивъ,
За атомомъ помчался атомъ.

Но я еще древній. Гори, душа, пророчь.
Припомнилъ себя въ чертахъ многоразличныхъ.
Я былъ еще тогда, какъ въ безднахъ безгранич-
ныхъ
Была единая нетронутая Ночь.
Къ избраникамъ Судьбы идеть отъ сердца узъ.
Всѣ Божіе Сыны живутъ въ моихъ зрачкахъ,
Но болѣе всего я воленъ люблю размахъ,
Всѣхъ вѣръ священнѣ — медуза.

ПАУТИНКИ.

1.

Всевыразительность есть ключь міровъ и тайнъ.

2.

Любовь огонь, и кровь огонь, и жизнь огонь, мы
огненны.

3.

Кабель подъ бездной морей, это кличть къ дер-
жавѣ держава,
Такъ и наука паутинкой поеть о взнесенности
радугъ.

4.

Кто это молвилъ, что мы красотъ созидаемъ гор-
нило?
Звѣзды и зѣри, цвѣты, океаны, ручей, и вул-
канъ,

Все, что живеть въ этомъ мірѣ, влекомо въ мі-
рахъ Красотою.
Зодчимъ быть хочешь? Спроси земляного объ
этотъ червя.

5.

Вслушайся въ музыку, и музикѣ вѣчное смо-
трить въ минутное,
Лучь въ подземелье заглянеть на мигъ, потолокъ
золотить.
Вѣтеръ заморскій домчить съ острововъ къ намъ
дыханіе смутное,
Звукъ обойметъ, шевельнеть сокровенность, и
прочь улетитъ.

6.

Къ душѣ отъ души первоцѣть, пробѣгая,
Весь міръ засибѣаетъ на мигъ цѣликомъ.
Сиѣжинки съ сиѣжинкой летаютъ, мелькая,
И станутъ весною они родникомъ.
• И только цѣлая, и только лаская,
Я чувствую Бога кругомъ.

ЦВѢТОЧНЫЙ ЗВОНЬ.

Если цѣѣть въ дремотѣ лунной
Расцѣѣтаеть въ митѣ сновъ,
Съ чуть разыятыхъ лепестковъ
Сѣѧнъ звонъ легчайше-струиный,
Легче праха отъ сиѣговъ,
Тоньше пряди облаковъ,
Тине фейныхъ — къ сильфъ—словъ.

Это — пѣніе рожденья,
Изнутри исходъ во виѣ,
Къ Солнцу, къ воздуху, къ веснѣ,
Это — таинство цѣѣтенья,
Призракъ музыки въ огнѣ,
Устремленіе къ вышинѣ
Побывавшаго на дивѣ.

ВОРОЖБА РЕСНИЦЪ.

Цострой чуть сокнутия стѣны,
Свое изнѣ вониутъ итѣсни,
Покинь мгновенно міръ измѣни,
Среди рѣсницъ побудь въ тѣни,
Въ ночахъ вспѣваетъ цвѣть вересны,
Въ нихъ тайны міра искони.

Зрачки души — въ работе дружной,
Ты вдругъ въ желанномъ дальнихъ мѣсть,
Не тьма, въ тебѣ чертогъ жемчужный,
Восторгъ искѣничанныхъ пейсть,
Кинь Сѣверъ, для тебя не нужный,
И пей глазами Южный Крестъ.

ИЗЪ ПЛАМЕНИ.

Я смотрю надъ крышами домогъ,
Безглагольно небо голубое,
Но смотри, разслышишь многое словъ
О любви и творческомъ покой.

Если сводъ небесный долго пѣмъ,
Облака слагаются въ напѣвы
Пламенемъ изсѣченныхъ поэмъ,
И струятся косвенные сѣви.

Но, изиѣдавъ свѣтъ жемчужинъ строкъ,
Даетъ громамъ восторгъ и буйство пѣны,
Синий храмъ спокоенъ и глубокъ,
Векнущъ огнецвѣть пресуществленья.

Мѣрия гармонія вверху,
Облака — преображенія чувства,
Тучка къ тучкѣ — мысль и стихъ къ стиху,
Грозовые замыслы искусства.

ОСЕНЬ.

Вотъ онъ, жерламъ глыбы,
Страго цвѣта земля.
Травы перекручены сгибы,
Холодъ ихъ сжалъ, шевеля.

Быстро носится вѣтеръ.
Дождь. За слезою слеза.
Смотритъ миъ зябнущій сатерь
Съ недоумѣньемъ въ глаза.

Кто же охотиться можетъ,
Если исчезла вся дичь?
Холодъ кусаетъ и глохнетъ,
Вѣтеръ заводить свой кличъ.

Будетъ онъ сиѣжныя тучи
Къ бѣлой забавѣ скликать.
Тканью обрывно-линюю
Смотритъ унылая гать.

НЕВЪРНОСТИ.

Стало много красныхъ яблокъ,
И брусника весела.
Жмется къ кѣткѣ синій зяблики,
Мыслить: Гдѣ бы взять тепла?

Весь лѣсной багряный окрутъ
Наряжается въ пожаръ.
Въ блѣдномъ небѣ долгій окликъ,
Журавлей летить базаръ.

Продаютъ-ли? Покушаютъ?
Русь Египту на проѣзжъ.
Скоро воздухъ будетъ счастье,
Въ небѣ призракъ бѣлыхъ стѣнъ.

ВЪ КИБИТКЪ.

Луна глядить какъ глазъ кита,
Который, жутко-блысът,
Плыть и лоскутомъ хвоста
Быть въ дальние предѣлы.

И иѣть, не быть хвостомъ тотъ китъ,
А, въ воздухъ уширая,
Плыть, и глазъ его какъ ишть
Среди морей безъ края.

Ты думалъ, это облака
Плыть лазурью ночи.
А то китовы лиши бока,
И съ ними даль короче.

Я ёду-ёду. Мерзлый видъ
Налѣво и направо,
И виснетъ круглый сталактитъ
Безъ йрваго удава.

Схлестнулся съ бѣдымъ онъ китомъ,
И втрызлось чудо въ чудо.
Разстался китъ съ своимъ хвостомъ,
И сдавленъ змѣй какъ груда.

Молчу. Смотрю. И иѣть кита.
И больше иѣть удава.
Лишь голубая пустота
И золотая слава.

ЗАБАВА.

Я веселился
Съ Забавой Бѣлой.
Я опушился,
Какъ колосье сѣльмій.

Смѣялся, умылся
Я свѣжнаго снѣгомъ.
Въ поляхъ носился
Проворнымъ бѣгомъ.

Я изъ шелкъ радился,
И изъ бархатъ пышишь.
Въ лѣсахъ крутился,
Какъ духъ неслыханный.

Я притаился
За косыками.
Я изъ дома ломился,
Гремя замками.

Я засвѣтился,
Плясаль и топаль,
О стѣны бился,
И ставней хлопаль.

Въ трубу укрылся,
Насытясь скачкой.
И тамъ томился,
И ныль заплачкой.

Освободился
Отъ злой неволи.
Оборотился
Я зайцемъ въ полѣ.

Воронкой вился
Въ песчинкахъ снѣга.
И самъ дивился,
Что въ этомъ иѣга.

Скакнуль, вонзился
Въ крыло воропье.
Съ ней наклонился
Въ крестопоклонье.

Мечтой влюбился
Въ верченье круга.
Съ Забавой слился,
И мчить настъ выюга.

СОЛНЕЧНЫЙ ЗНАКЪ.

Ужъ скоро крикнетъ пѣтухъ весны,
Что пламя мчится изъ вышинъ,
Что пламя пляшетъ предъ торжествомъ —
Дрожать горѣньемъ во всемъ живомъ.

Мы знаемъ зиму и звонкій ледъ,
Мы знаемъ вѣтра живой полетъ,
Секундной стрѣлки проворенъ бѣгъ,
Буравчикъ тонкій источить снѣгъ.

Летитъ къ намъ вольность, легко-свѣтла,
Качая въ небѣ колокола,
Въ веселый полдень почуяль духъ,
Что тамъ на Солнцѣ прогрѣлъ пѣтухъ.

БРОСИТЬ.

Бросить брызги острыхъ молний,
Звѣзды, разломанныхъ въ куски,
Гнать по Морю въ яркомъ чолнѣ
Стаю, вражки членоки.

Бросить бремя дымной тяги,
Рушить въ пронасть взлеты горь,
Ширь Сахаръ, лишенныхъ влаги,
Варѣзать, мѣряя просторъ.

Бросить бреды сновъ минувшихъ,
Свергнуть тѣни въ пустоту,
Быть ичелой въ цвѣтующихъ вишняхъ,
Подорожникомъ въ цвѣту.

ВРУБЕЛЬ.

Врубель — пламень, лебедь, демонъ,
Врубель — бѣшеная скакча
Четырехъ копыть коня.
Вотъ оракулъ. Тихъ и нѣмъ онъ.
Но зазыблась заплачка,
Внѣтъ слетаетъ съ усть, звенилъ.
Врубель — демонъ, лебедь, пламень,
Цѣнныи камень,
И сирень.
Врубель — косвенная тѣнь,
Уплывающая лодка,
Вздрызги Солицъ, илеснувшихъ четко
На замѣтную ступень
Тайной лѣстинцы, ведущей
Въ міръ тоичайшій, вѣчно сущій,
Въ нашъ великий, въ нашъ грядущій,
Богоравный день.

ДЕНЬ.

Китайское Тиань, зиждительное Небо, —
Нашъ съвѣтозарный День, — Индусское Ду, —
Теость Эллады, Дзойсь, — и Деусъ гордыхъ Рим-
лянъ, —
Ацтекское Теотавъ, — нашъ подобныхъ букъ,
Мѣняющійся звукъ съ единицмъ означеніемъ
О братствѣ говоритьъ боговъ съ людми въ кѣ-
кахъ.

БЛШНЯ.

Всходы башни
Путь змѣиный.
Девь вчерашній
Сталь картиной.
На картину
Я смотрю,
Тайно стыну,
Говорю.

Дни какъ струи,
Вѣчно то же.
Лишь чешуи
Въ змѣйной кожѣ.
Часъ ливня,
Сшить змѣя.
Въ созиданы
Новый я.

Дни какъ зерна,
Въ скрытомъ таютъ.
И упорно
Проростаютъ.

Колосъ пашень,
Сернь и сонь.
Онь не страшень,
Минный гробъ.

Цинъ какъ зори,
Зовы изъ страны.
Въ забытномъ морѣ
Мостъ румяный.
Средоточій
Вѣщій бредъ.
Послѣ почі
Рдѣть свѣтъ.

Дни какъ груды
Копей черныхъ.
Изумруды
Въ жерлахъ горныхъ.
Взмахъ киркою,
Воть руда.
Я открою
Жизнь всегда.

Чрезъ рубины
Зыбъ въ опалѣ.
Ходъ змѣйный
По спирали.
Валеты башни
Храмъ змѣи.
Зерна пашни
Всѣ мои.

СТУПЕНИ.

Въ расщелинахъ древнихъ ступенчатыхъ словь
Таятся глаза сновидцій.

Тамъ змѣи забытыхъ завѣтовъ и ковъ,
Дремотныя грузныя тѣни.

Заросшая лѣстница. Теремъ иѣмой.

Подъ крышей гибадятся лишь совы.
Постранствуешь въ мірѣ, и тянеть домой,
И древнія манять основы.

Вехожу на ступени. Проснулась змѣя.

И встрѣченъ при входѣ я Змѣемъ.
О, здравствуй, старинная правда моя,
Мы выявить кладъ нашъ сумѣемъ.

ТЕРЕМЪ.

Я видѣлъ морей и пустынь кругоемъ,
Я въ солнечной медлить побѣдѣ.
Но чувствую, лучше мнѣ въ домѣ моенъ,
Гдѣ больше желѣза и мѣди.

Я былъ въ златотканномъ чертогѣ вдали,
Съ волшебницей бѣлораменной.
Но дома сундукъ есть въ подвалѣ, въ пыли,
И въ немъ сажацѣть есть безцѣнныи.

Вобравши лазурь въ дальнемечущій взоръ,
Съ конемъ распростился я. Пѣши
Иду по лѣсамъ. И смарагдовый хоръ,
Слагаетъ съ деревьями .Пѣши.

Зеленая склака расцѣптовъ и травы,
Въ ней итица стакнулась со звѣремъ.
Хмѣлью. Вончель въ меня древній составъ.
И вотъ онъ, узорчатый теремъ.

Онъ темень. Онъ истовъ. Онъ ласковъ и строгъ.
Въ немъ думы и сказки ватагой.
Зоветъ мѣднокованній четкій порогъ.
Войди, и насытишься братой.

СОЗВЕННЫЕ.

Высокий кокошникъ. Нарядъ нарочитый.
Ласкательный мѣхъ душегрѣйки.
Привѣтъ тебѣ, вкрадчивый соболь, убитый
Во имя смѣющейся змѣйки.

Всѣ дни наши звѣньями ласки мы мѣримъ,
Насъ Мѣсяцъ дарить жемчугами.
А въ полночь надъ нами узорчатый теремъ
Рѣзными поеть пѣтушками.

ЛЕТУЧИЙ.

Когда весь миръ, изъ ничего, изъ праха,
Прорвавши ночь, явился въ блескахъ дня,
Красивы были, мракъ на жизнь смѣя,
Орелъ, верблюдъ, и левъ, и черепаха.

Но ликъ еще дремалъ въ умѣ Аллаха,
Горсть воздуха схватилъ рукой отня,
Замыслилъ онъ Арабскаго коня,
И, длань разжавъ, онъ бросилъ вихрь съ размаха.

Съ тѣхъ самыхъ поръ дрожитъ огонь въ ноздряхъ
Летучаго, кто весь — размахъ порыка.
Изъ тучи — хвостъ, съ грозой вѣнчалась грива.

Глаза — жерло, гдѣ всѣмъ невѣрнымъ — страхъ.
Когда-жъ онъ синть, онъ зыблемая пыва,
Гдѣ каждый колось помнить:— «Живъ Аллахъ!»

ДЖИГИТУИ.

Сандро Ку.

Много въ мірѣ сказокъ страха
Между днемъ и новымъ днемъ,
Ибо ночь покровъ Аллаха
Сине-черный, и на немъ,
Какъ оазисъ, выше праха,
Зибады ткуть лозу огнемъ.

Много въ Морѣ чудищъ въ топи,
Рыба-мечъ, акула, китъ,
Всюду браны и ногоны,
Зоркій врагъ всечасно мстить,
Но Арабскіе есть кони,
Конь крылатъ, и онъ летитъ.

Птица въ воздухѣ великомуъ
Знаетъ вѣрные пути,
Конь умѣеть въ бой дикомъ
· Принести и унести,

Греза можетъ звучныиъ вскрикомъ
Звонкій стихъ въ вѣнокъ сипести.

Вѣрься имени Аллаха,
Съ неба токъ безсмертныхъ струй,
Надъ картиною въ рамъ страха
Сиять Солнцемъ поцѣлуй,
Въ силѣ конскаго размаха,
Съ пѣсней въ сердцѣ, джигитуй.

ЗАВѢТЬ.

Человѣкъ рожденъ изъ сгустка крови красной,
Четко возвѣстилъ намъ вѣцій Магометъ.
Въ этомъ знакъ признай для доли полновластной,
Возлюби въ мечтахъ рубинно-алый цветъ.

Въ колыбель твою уронено отъ Бога
Дѣвъ пригоршни сновъ и алыхъ лепестковъ: —
Разбросай одну, пусть вся цвѣтеть дорога,
А другую спрячь за риеками стиховъ.

И когда въ пути красивую ты встрѣтишь,
И когда въ пути, вздохнувъ, устанешь ты, —
Пламенемъ костра свою любовь отмѣтишь,
Женщину стихомъ одѣнешь ты въ цвѣты.

ЖАЖДА.

Изъ жажды музыки пишу стихи мои,
Изъ страсти къ музыкѣ напѣвы ихъ слагаю
Такъ звучно, что мечтѣть ить ни конца, ни краю,
И девушка мой стихъ читаетъ въ забытии.

Я въ сердце къ ней войду, вѣрѣй, чѣмъ ядъ змѣи.
Хотѣла-бъ убѣжать. Но вотъ я нагоняю.
Моя? Скажи мнѣ. Да? Моя? Я это знаю.
Тебѣ огонь души. Тебѣ стиховъ ручьи.

Изъ жажды музыки рождается любзенѣе,
Влюбленая любовь, томленіе и боль.
Звучи, созвучіе! Еще, не обездоль!

Я къ Вѣчности приникъ. Въ созвучы испѣленіе.
Въ непрерываемъ душѣ побить дозволь.
Дай бесконечности! Дай краткому продленья!

ПОСЛЕДНИЙ ДОЖДЬ.

Я слушалъ дождь. Онъ перепевалъ звучнымъ
Стучать во тьмѣ о крышу и балконы,
И былъ всю ночь онъ духомъ неотлучимъ
Съ моей душой, не уходившей изъ сонъ.

Я вспоминала. Младенческие годы.
Деревня, гдѣ родился я и ростъ.
Мой старый садъ. Рѣчки малой воды.
Въ отгатахъ цвѣтовъ береговой откосъ.

Я вспоминала. То первое свиданье.
Березовая роща. Ночь. Июнь.
Она пришла. Но страсть была страданье.
И страсть ушла, какъ отлетѣвшій лунь.

Я вспоминала. Мой праздникъ сердца новый.
Еще, еще, улыбки губъ и глазъ.
Съ синѣтловолосой, съ иѣжной, съ черибровой,
Волна любви и забытый пересказъ.

Я вспоминала невозвратимость счастья,
Къ которому дороги больше нѣть.
А дождь стучалъ, и въ музыкѣ иенасты
Слагалъ на крышѣ мѣрный менуэтъ.

ВЪ ТИШИНЪ.

Въ тишинѣ деревьевъ шелестящихъ,
Перенѣнныхъ, стройныхъ, нешумящихъ,
Листъ къ листу, листами говорящихъ,
Ловить мысль пыла времена.
Океанскій папоротникъ, лѣсомъ,
Шелестить, зайцы лѣнуть къ завѣсамъ,
Пынитсѧ широкая волна.
Гдѣ я былъ за гранями столѣтій?
Между пальмъ и волнъ мы были дѣти,
Крысь рѣчныхъ мы уловляли въ сѣти,
Отъ зари играли до зари.
И несли нась длинный каноэ
Въ тишину лагунную Самоа,
И къ вулканамъ рдянымъ Маори.

ДУГА.

Луна затерялась за гранью зубчатой, окутанной дымкою, горъ,
Но желтой дугою она задержалась на зеркаль спящихъ озеръ.
Ихъ семь, Маорийскихъ озеръ, многоразныхъ по
цвѣту и тайнѣ воды,
Въ себѣ отразившихъ дугу золотую, и въ ней сре-
доточье звѣзды.

Вотъ озеро просто. Вотъ озеро сѣры. Вотъ озеро
съ лѣдяной водой.
И съ влагою млечной. И съ влагою горячей. И съ
влагой смолисто-густой.
Но тамъ полноцѣнѣй, пышнѣе, и краше дуга
золотая Луны,
Гдѣ влага влюбленья, и влага внушенья, что луч-
шее въ жизни суть син.

ЛЮБИМАЯ.

Надъ моремъ тяготѣніе было тучи,
Свинцовая громада въ высотѣ.
А тутъ и тамъ, на облачной чертѣ,
Какой-то свѣтъ былъ иѣжиной и тягучей.

Откуда доходилъ онъ изъ-за кручи
Тумановъ, сгроможденныхъ въ пустотѣ?
Особенный по странной красотѣ,
Миѣ талисманъ въ немъ чудился пѣвучей.

Вдругъ высоко, тамъ, въ безднахъ вышинъ,
Серпомъ Луна возникла молодая,
И съ свѣжимъ плескомъ, гулко возрастая,

Качнула сила ровность глубины.
Такъ ты пришла, о, радость золотая,
Въ мгновеніе рожденія волнъ.

ЧАРА.

Изъ за морей и горъ едва дошло жужжанье,
Какъ будто за сто верстъ звенить въ Лунѣ ко-
маръ,—

Какъ будто, восхотѣвъ продленья бывшихъ зорь,
Кодунъ черезъ тѣка дончаль листка шуршанье.

Жужжитъ одна струна, изъ которой обѣданье,
Мольба любить любовь, продлить поздній даръ.,
Изъ тысячи домовъ чуть глянувшій пожаръ,
Изъ потонувшихъ дней послѣднихъ зорь дре-
жанье.

Тотъ сѣть не призракъ зорь, то желтый лоску-
токъ.

Тотъ блескъ — игра кольца, не ласка Новолуныя.
Тотъ звукъ—не звонъ струны, хоть странно звукъ
высокъ.

Тотъ лицъ — не мертвый лицъ, она жива, кол-
дунья.

Изъ ткани вѣчности вдругъ вырвала кусокъ,
И забыть пѣніе — Яванская плясунья.

ЧЕРКЕШЕНКА.

Я тебя сравнить хотѣль бы съ изжной свою пла-
кучей,
Что склоняеть кѣти къ влагѣ, словно слыша
звонъ созвучій.

Я тебя сравнить хотѣль бы съ юнымъ тополемъ,
который
Весь смолистый, иъ легкой зыби, къ небесамъ
уводить взоры.

Я тебя сравнить хотѣль бы, видя эту поступь,
дѣва,
Съ тонкой лиліей, что стебель клонить вираю,
клонить вѣво.

Я тебя сравнить хотѣль бы съ той Индусской ба-
ядерой,
Что сейчасъ-сейчасъ запалишь, чувства жѣра
звѣздной жѣрой.

Я тебя сравнить хотѣль бы... Но игра сравненій
тѣнина.
Ибо слишкомъ очевидно: Ты средь женщинъ не-
сравнена.

БЕЗСПОРНО.

Ожидая неожиданное,
Угадуя неразгаданное,
Я вобралъ дыханье заданное,
Огнеданныхъ привѣтъ струй, —
И видѣніе невиданное
Взять душою необорною,
Славлю истину безспорную,
Возглашай — пойдлуй.

СТРЕКОЗКА.

Мирри.

Дѣвчонка бѣшеныхъ страстей,
И ангелокъ, и демоненокъ,
Вся взрослая, хотя ребенокъ,
И вся дитя среди людей,
То злой упрямый соколенокъ,
То добрый, золотой цыпленокъ,
Ты нѣжный крестъ души моей
Дѣвчонка бѣшеныхъ страстей.

Ты крестъ, но очень нѣжный. Ибо
Всѣ своеволія твои
Не тяжко-каменная глыба,
А острый уголъ, бѣгъ изгиба,
Стрекозка въ летѣ, взмахъ змѣи,
И птичий щебетъ въ забытии,
И всѣ весенниe ручы.

КАКЪ ЯРКИЙ ЛУЧЪ.

Какъ яркій лучъ ко мнѣ вошла,
Цвѣтокъ веселый уронила,
И келья сдѣлалась сѣтка,
Душество дрогнуло кадило,
И сердце счастьемъ освѣтила.

Надъ тусклымъ стрѣльчатымъ окномъ
Позолотила паутину,
Мечту закглаза цвѣтымъ огнемъ,
Дышать заставила ривину,
И я ее ужъ не покину.

ВЬНОКЪ.

Смѣшать печаль, которой иѣть острый,
Съ восторгами, которыхъ не бывало,
Но могутъ быть, — отъ горнаго обвала
Взять музыку, — и, кроиь погнанъ быстрый,
Въ стихи добрызнутъ огненный ручей,
И все соткать, для иѣжности твоей,
Ель вѣнокъ любви,— а если скажешь: «Мало»,
Вели еще! Я твой, среди зыбей
Девятаго ликующаго вала!

НАДЪ РУЧЬЕМЪ.

Когда мы тихими часами
Съ тобою говоримъ вдвоемъ,
Тебя я вижу надъ ручьемъ,
Ты лань съ безумными глазами,
И мнѣ хотѣлось бы сквозь мглу
Пустить проворную стрѣлу,
Чтобъ не убить, о, только ранить,
И рану налечить скорѣй
Всей страстиной иѣжностью своей.
И лаской эту лань туманить.

ЦВѢТЬ ПШЕНИЦЫ.

Пшеничный цвѣть твоихъ волосъ,

И свѣтлаго лица румянецъ,

Во мнѣ рождають пѣниe грезъ,

И кровь ведутъ въ проворный танецъ,

И хоть страна твоя — морозъ,

А я поэтъ, и я Испанецъ,

Съ тобой мнѣ пляска суждена,

Быть можетъ, въ часть, когда Луна

Горитъ, пронзая глубь до дна.

Звеня струной, я буду твой,

Всѣ струны любятъ — перекличкой,

Я буду змѣй въ вѣтвяхъ живой,

А ты уклончивою птичкой,

Я буду вѣтеръ круговой,

А ты расцвѣтшою пшеничкой,

И въ высотѣ, гдѣ ходить громъ,

Мы будемъ въ небѣ голубомъ

Звѣздой и матовымя Серпомъ.

СЕСТРА.

Сестра, ты вдругъ поцѣлокала
Его, кто жаждаль и робѣль.
И роза синъ раскрылась ало,
И нѣжныи ландышъ въ страсти бѣль.

Я сплю. Межъ вѣкъ, чуть зрима щелка,
И чара къ ней идетъ съ Луны.
Я вижу огнеизоры волка
Среди безбрежной тишины.

Я чувствую — зима устала,
Въ тебѣ весенняя игра.
Ты лынешь ко мнѣ. О, мало, мало!
Я сплю. Цѣлуй еще, сестра.

ЗВЕЗДА.

«Мы будемъ тамъ, когда уйдемъ отсюда»,
Сказала ты, взгланивши на звѣзду,
И я сказалъ: «Я иѣру, и жду,
Когда же совершится это чудо?»

Звѣзда плыла въ сиянны изумруда,
Съ лучомъ какъ будто лучъ Луны на льду,
А облачко подъ ней, какъ мысль въ бреду,
Вело въ сей часъ, явившись ии откуда.

И тоинку оно продвило ткань,
Спустилось внизъ продольной блѣдной тучей,
Какъ узкій мостъ, къ землѣ стъ небесь, пѣвучай.

Онъ иѣль глазамъ. Ты прошептала: «Глянь!»
И я, понявъ, что напи онъ, мигъ текучай,
Тебя одѣль въ жемчужный дождь созвучай.

НОЧЬ ВЪ ЦВѢТѢ.

Крыломъ старинный воронъ изъяль
На черноту твоихъ волосъ,
Твой тихій взоръ въ себѣ взелъяль
Обрывокъ тучи дальнихъ грозъ.

Я подошелъ къ тебѣ безъ слова,
Отъ сердца къ сердцу былъ магнитъ,
И чувства древняя основа
Въ душѣ мгновенно говоритьъ.

Вліянье всѣхъ неисчислимыхъ
Вѣковъ, что гдѣ-то жили мы,
Какъ пламень, проглянувшій въ дымахъ,
Произило въ сердцѣ скрѣпу тьмы.

Я зналъ, волнуясь и волнуя,
Я зналъ, блѣдила и любя,
Что неизбѣжность поцѣлуя
Желанной будетъ для тебя.

Взошла Луна, свѣтясь медвѣдою,
Дышала долгимъ гуломъ мгла,
И чаша чернаго тольпаны
Раскрытой страстью раскрыла.

ВИШНЯ.

Ты стройной вишни бѣлый цвѣтъ,
И чарой весь твой ликъ одѣтъ,
Я такъ хочу, чтобы пчела
Въ тотъ пѣжный цвѣтъ свой путь нашла.

Пчелиныхъ крылья хрустаденъ звонъ,
Къ тебѣ все ближе, ближе онъ,
Раскрой же чашечку цвѣтка,
Чтобъ пѣла сладкая тоска.

Тотъ поцѣлуй златой пчелы
Есть жало ласки, пѣснь хвалы,
А послѣ, въ ульѣ, въ свой чередъ
Сгустится желтый прянный медъ.

А послѣ, вишни бѣлый цвѣтъ
Мелькнетъ какъ ягодъ алый бредъ,
И къ насы виномъ войдеть въ свой срѣзъ,
Душистой вишни красный соокъ.

РОЗА.

Ты юная Южная роза,
Тебя я не могъ не замѣтить,
Судьбы роковая угроза
Всѣла мнѣ алую встрѣтить.

Судьба угрожаетъ, но иѣжно,
Гремучей раскинуться тучей,
Овѣять расцвѣть твой безбрежно,
Звучать какъ источникъ пѣнучий.

Вотъ молния въ сердцѣ разыгнать,
Я жду твоего поцѣлуя,
И дождь пробѣгасть по скатамъ,
Рыданія, звения, и ликую.

ЕСЛИ - БЪ.

Если-бъ Солнце было голубое,
Если-бъ небо стало золотое,
Алыми раскинулись бы травы,
А цветы мерцали-бъ изумрудомъ, —
Миръ явила бы свѣты новой славы,
И любовь была бы новымъ чудомъ.

САФИРЪ.

Въ твоихъ глазахъ есть зыбъ сафира,
Твое миѣ нравится лицо.
Но вотъ соблазнъ великой хіра:—
Сиянье этого сафира
Хочу ить мое вковать кольцо.

ЦЕЛЬНОСТЬ СЧАСТЬЯ.

Цельность счастья, это — счастие вдвойне,
Это — волны въ убѣганиіи къ волнѣ,
Это радость, посль мрака долгихъ лѣтъ,
Въ полномъ цвѣтѣ между листьевъ первоцвѣтъ.

Цѣльность счастья, это—тихій спній взоръ,
Отражавшій безмолвіе озеръ,
Тамъ глубоко, тамъ иль прозрачности, на днѣ,
Талисманъ, и онъ одинъ, и весь онъ мнѣ.

ТРИ ПТИЦЫ.

Летѣла птица голубая,
Всѣ высн обогнула смѣло,
И тьма рѣдѣла, уступая,
И тѣнь земная голубѣла.

Летѣла птица золотая,
Зарею расширялись крылья,
И въ душу лился, ниспадая,
Медвяный дождикъ изобилія.

И третья птица молодая
Летѣла злымъ самоцѣломъ,
Весь міръ бытъ праздникомъ, блестая,
Но я лишь гостемъ бытъ при этомъ.

И не усыпъ игрой узорной
Я насладиться до забвенья,
Какъ пала тѣнь отъ птицы черной,
И въ вѣчность кануло мгновенье.

ВИДЪНИЕ.

Я видѣлъ цѣѣть полураскрытый
Въ весну влюбленнаго тюльпана.
Но я ушелъ тропой пробитой,
Быть праздникъ конченъ слишкомъ рано.

Я видѣлъ птичку голубую
Средь изумруднаго сплетенья.
Но я въ безмолвіи тоскую,
Лишь мигъ одинъ я слышалъ иѣнье.

Я видѣлъ сонъ: — За быстрой серной
Я, серной, мѣрялъ ширь простора.
Я съ ней бы счастливъ былъ навѣрно,
Но сонъ растаялъ слишкомъ скоро.

НЕПОБЕЖДЕННЫЙ.

Ты для того меня заманила
Въ извучий садъ,
Чтобъ изъ сердцѣ задрожала слеза,
И брызнуль звонкій водопадъ?

А ты, замахнувшись крылами павы,
Среди куртины,
Вспорхнула, давъ мигъ вкусть отравы.
Забыла, что предъ тобой павлинъ.

Но ты забыла, что сиянье
Стоящихъ звездъ
Средь птицъ — мое лишь означенье,
Что мой цѣльнейший щитъ хвостъ.

Вся радость радуги со мною,
И весь цѣфта,
И чуть я извѣрь свой раскрою,
Какъ съ неба смотрить. Красота.

СУДЬБА.

!! не избрала, я покирила,
Что вѣсами намъ златотканыи
Бѣль Судьба изъ мірахъ путь отѣрила
Съ ворожащими талисманами.

И тоской изъ дусу вся изранена,
Воть синданыя жду изъ светлой чащѣ я,
Л Луна пынить, притуманена,
Наклоненная, ворожаща.

МУЗЫКА.

Женская чара владѣть душою
Вкрадчию, пѣжно, всевластно.
Женское сердце повсюду со мною,
Женщины пою не напрасно.

Музыка — женщина, пѣнье — мужчина,
Даже и женское пѣнье.
Въ музыкѣ звездная дышеть картина
Перваго часа творенья.

Пѣніе — послѣ, иль немъ гулкое эхо
Дали, на мигъ приближенной.
Музыки дай мнѣ, восторга, и смѣха,
Пѣть тебя буду влюбленный.

ТВОИ ГЛАЗА.

Твои глаза — просторь души твоей,
Въ нихъ вѣчный бѣгъ играющаго вала,
Въ нихъ синій сонъ загрезившихъ морей,
Гляжу, гляжу, и все для сердца мало.

Крылатая, ты вся поешь: — «Ликуй!»
И много сношъ въ душѣ у каждой идицы,
Но лучшій мигъ, — когда чрезъ поцѣлуй
На бездну глазъ наброшены рѣсицы.

ИДУЩАЯ ПРЯМО.

Ты знаешь страсть, но чувственности не быть.
Въ твоихъ движеньяхъ, въ ходѣ сновидений,
Неподтишка не глянешь ты на сѣть,
Но изъ молний сторишь безъ сожалѣній.

Не всякий переступишь ты порогъ,
Но любишь лунный лучъ въ овалѣ свода.
Едали харчевень, выпьешь полныи ротъ
Хлыбъяного искроечувшаго меда.

Я И ТЫ.

Я и ты, мы съ двухъ планетъ.

На одной огнь рубина,
На другой колдуетъ льдина,
Голубой холодный свѣтъ.

Я и ты, мы съ двухъ планетъ.

На одной ликуютъ ворны,
Въ ней поль цвѣтится знойный,
На другой лазуиний цвѣтъ.

Наша розы на сколько лѣть?

И не лучше-ли сочетанье
Двухъ расцвѣтенья угаданья
Въ сплтии сказкъ двухъ планетъ?

ХОТЬ НЕМНОЖКО.

Я почувствовалъ узкую иѣжную руку,
Я почувствовалъ сиѣжестъ раскрытой ладони,
Я ее цѣловалъ въ темнотѣ.

Чрезъ мгновеніе ночь возвѣщала разлуку,
Но за счастьемъ я гнался, блѣдиѣ въ потоѣ.
И тобою пришлая я къ мечтѣ.

Почему мы вдвоемъ такъ смѣялись безпечно?
И потомъ, хоть вдвоемъ, такъ молчали упорно?
Я не знаю. Узнаю-ли я!

Ты мнѣ сдѣлалась вдругъ дорога безкошезна.
И тобою мечтанье мерцаѣтъ узорно
Хоть немножко — скажи — ты моя?

ПЯТЬ БУКВЪ.

Дай миъ пять иѣжныхъ буквъ, ты дашь миъ въ
иныхъ пять счастій,
Въ гирляндахъ пламеніи отвѣчу я стихомъ,
Всепроницающимъ, какъ молния и громъ,
Завладѣвающимъ, какъ дальний звонъ запястій.

Непрерываемыхъ хочу я сладострастій.
Уста до жадныхъ усть. Обжогъ горячимъ ртомъ.
И взхръ, промчавшійся надъ отвѣненнымъ кустомъ,
Дошелъ до корабля, зажегъ морскія снасти.

Весь Океанъ горитъ. Я духъ, и пламя длю.
Воспламененія съ играньями цвѣтными.
Весь заалѣвшій міръ иль пловучемъ рдѣть дымъ.

Рубинъ расплавленный змѣится къ кораблю.
Добро, желанная, лучами золотыми,
Свой сопричастный даръ въ произнесенное «Лю-
блю!»

ЧАСТЬ ДУШИ.

Безъ преградъ, бесь времени, бесь цѣли.

Самоцѣльный чувствовать приливъ.

Слушаться невидимой сирфи,

И мечтюю вѣтку наклонить,

Чуять золотую осьмь иль.

Проделать ликующія ичеза,

Не ужалять, только проханенить.

Къ намъ приспѣть и день и часъ веселый.

Въ вѣтре травы, строя свѣтлый радъ.

О любви и счастьи говорять.

Какъ красиво быть вдвоемъ съ желанной.

Въ душу смотрѣть нѣжные зрачки

Тѣль цѣльонъ, что въ чашѣ скѣзотканной

Затаны дружно огоньки,

И цѣлутъ надъ зеркаломъ рѣки.

Тахъ, во влагѣ медленно-текущей,

Отразилось чистое лицо.

Въ Отчий изънъ чертогъ, во вѣки сущій,
Насть ведеть высокое крыльце.
Я припасъ — душа твоей — кольцо.

Я изъ звѣздъ сковалъ тебѣ запястье,
Изъ цвѣтовъ я лучшій взялъ цвѣтокъ.
Обратись го мнѣ всей правдой счастья.
И взгляни съ донѣрнемъ на потокъ.
Этотъ часъ души моей — глубокъ.

БЕЗЬ СЛОВЪ.

Безъ всякихъ словъ, безъ всякихъ обѣщаній,
Люби меня.

Засиуло Солнце въ розовомъ туманѣ,
Нѣмая ночь встаетъ въ провалахъ дня.
Когда во снѣ душа дойдетъ до грани,
Люби меня.

ЖЕМЧУГА.

Я люблю шелковистые волосы,
До которых я льнула поцелуями,
Пересвѣтную узкую перевязь,
Сребро-матовый кругъ жемчуговъ.
Жемчуга — это Лунные почасы,
Океанскія скатныя бусники,
Это фейи на бѣдныхъ ягодахъ,
Нѣжно-ласковый ширь для зрачковъ.

Я люблю эти руки красивыя,
Съ утонченными длинными пальцами.
Этотъ изогнутый станъ запрокинутый.
Эту страсть, и восторгъ тишины.
И за срынья мгновенъеъ стыдливости
Налетѣвшую бурю безъ удержу,
Легкоструйную зыбь утоленія
Захмѣвшей Грузинской княжны.

МИНУТА.

Хороша эта женщина изъ майской засады,
Шелковистыя пряди волосъ изъ вѣтерка.
И горѣнья желанья изъ цѣтахъ, изъ ароматъ.
И далекая пѣсня гребца на рѣкѣ.

Хороша эта дикая вольная воля,
Протянулась рука, прикоснулась рука,
И сковала двоихъ, — на мгновенье, не болѣ. —
Та минута любви, что продлится вѣка.

ЖАЖДА.

Ты чаша, полная вина,
Но та миць радость не дана,
Вдохнуть, испить ее до дна.

Ты не пролитый желтый медъ,
И мой хотящій алый ротъ
Застылъ! Когда-жъ его испить?

Ты птица юльная, но мгла
Твои сковала два крыла,
Вспорхнешь, летицъ, нѣдъ ты смыла.

ВИНО.

Я пилъ съ тобой вино, ему же пить называлъ,
Я жегъ съ тобой огонь, ему же пить конца,
Мы видѣли зарю и все ея странье,
На тройкѣ ячались мы подъ звуки бубенца.

Глаза изъ глаза — моря, вѣмые океаны,
Въ нихъ многорѣчіе, чрезмѣрное для словъ,
Въ нашъ край, какъ изъ Вѣчности — сны, толной
плуты всѣ страны,
Я пилъ съ тобой вино, и вѣчно пить готовъ.

ХРУСТАЛЬ.

Я заглянуль въ зеленые глаза,
Всемирина вольность въ утрѣ мірозданья,
Я въ голубыхъ глазахъ прочель мечтанье,
Вѣнчалась въ черныхъ съ молнией гроза.

Сборь винограда, пънзял лоза.

Страданье, заблужденья, изъяны,
Какъ полночь всеохватная печаль,
Разлуки острой разящая сталь,—

Луканья, изъ разныхъ мыслей, стѣны
Не въ силахъ умертвить цѣлтокъ вервены,
Всегда найду я близъ, качущии даль.

БЕСЪДКА.

1.

Мне хочется уйти съ тобой изъ бесѣдку.

О, милая, вдвоенъ, вдвоенъ!

Цвѣтущую качнуть тихонъко вѣтку,

Цвѣтокъ увидѣть на лицѣ твоемъ.

Съ влюбленностью, но не томясь тревожно,

И не томя души твоей, —

Шепнуть тебѣ: Намъ все сейчасъ здѣсь можно,

Дай счастье ми! О, поцѣлуй скорѣй!

2.

Ты любишь танцевать по краю,

Лѣсной опушки, можетъ быть,

Быть можетъ, пропасти, не знаю,

Но предъ тобой я преданъ, знаю,

Нашель цвѣтокъ, его сжимаю,

И снова сладко понижая,

Что сеющу хочется любить.

3.

Когда ты будешь засыпать,
 Къ тебѣ и мыслями прибуду,
 Какъ призракъ сяду на кровать,
 И буду ласково шептать:—
 Люби меня! Догрѣйся Чуду!—
 И ты потянемшися слегка.
 И будетъ греза глубока,
 Огонь блеснетъ по изумруду,
 Разыгрытый многозвѣздный міръ,
 Осеребрить, пронзить сапфиръ,
 Дасть ходъ таинственному гуду,
 И синихъ водъ качнется гладь,
 И, тѣнъ, я лягу на кроватъ,
 И целовать тебя я буду.

4.

Миѣ радостно и больно..
 Вдали идеть грона,
 Я полюбилъ невольно
 Зеленые глаза.

Въ душѣ качанье звука,
 Въ ней радостный разлукъ,
 И больно, что разлука
 Тебя умчитъ сейчастъ.

«Въ мое окно въ ночи всегда глядѣть звѣзды.
 Одна средь голубыхъ и золотыхъ горѣній,
 Она мѣняется, сияя дрожитъ всегда,
 То въ зыби синихъ сноять, то въ блескѣ алыхъ
 рдѣній.

«Костеръ Египетскій, къ разливу званій Нилъ!
 Колдуй черезъ вѣка, дончи мечту до цѣли.
 Хочу, чтобы онъ ко мнѣ свое лицо склонилъ,
 Когда я здѣсь томлюсь на дѣвической постелѣ!»

Зачѣмъ къ тебѣ скользнула ячейка?
 Безъ яда этой мысли ходъ,
 Шестиугольная ячейка,
 Пчелиный, полный нѣги, медъ.

Я только вижу свопидѣнья,
 И говорю тебѣ о нихъ,
 Ты вся — расцвѣтшее растеніе,
 Я весь — тебя хотящій стихъ.

Какъ не желать, хотя-бы въ напѣвѣ,
 Лишь въ сияющихъ брызгахъ быстрыхъ словъ,
 Шепнуть влюбленно юной дѣвѣ,
 Что я готовлю ей вльковъ.

Подушки вышиты шелками,
А полотно сплела Луна,
И только мысль тамъ править намъ,
Что глупоудренно нѣжна.

Тебя усыпать жемчугами,
Съ тобой я рядомъ — только сномъ.
Моя любовь — иль Пасхальномъ храмъ,
Мое хотѣніе — псацомъ.

Не будь же лебедь уклонной,
Къ тебѣ здѣсь лебедь сновъ плыветъ.
Разслышь напѣвъ души стояній,
Вдохни мой свѣжій свѣтлый медъ.

7.

Какъ мятель опушила деревья,
И одѣла всѣ сосны парчой —
Какъ тунань, собираясь въ кочевья,
Распинѣтъ горячей грозой, —
Такъ мечта, набросавъ намъ созвучій,
Показала иль наломъ своею,
Какъ красицъ нашъ таинственный стучай,
Какъ измѣнѣніе нѣжно и дружно вдвоемъ.

ДВЬ ИТИЦЫ.

Две итицы встрѣтились въ мятежи,
Въ холодномъ воздухъ равнинъ,
Они отъ разнаго летѣнія,
Но пѣтеръ сблизились ихъ единый.

Скестя, и то исполненъ ласки,
То вдругъ исполненъ древней злобы,
Сиѣжистыя крутиль ониъ маски,
И гиѣвно громоздиль сутробы.

Въ порошѣ быстрой, въ щекахъ дымяхъ,
Онъ этихъ итицъ сомчать обѣихъ,
Кружа въ поляхъ необозримыхъ,
И путая изъ сиѣжистыхъ, зѣбяхъ,

Въ неисчерпаемости гиѣва,
Въ необозримости равнинъ,
Въ разбѣгахъ южнаго паша,
Мельзали бѣлныя личины.

И обезумденные птицы,
Не для напрасных усилий,
Забыть родимыя станицы,
Сидели въ безумномъ, вѣтре крылья.

Когда-жъ отъ Сквера до Юга
Слѣдось ивъ двухъ сердцахъ злеченье,
Ихъ сразу остыдила пыльца,
Вгнущши двухъ ивъ одно теченье.

ИРЛАНДСКАЯ ДѢВУШКА.

Поздно ночью вчера о тебе говорила собака,
О тебе говорилъ на болотѣ въ осокѣ куликъ,
Это ты однокая птица въ лѣсу между иѣтокъ,
Однокой бытъ птицей, пока ты меня не нашелъ.

Обѣщался, и ложь ты сказалъ мнѣ, что будешь
со мною,
Говорилъ — будешь тамъ, гдѣ пасутся овечьи
стада,
Быть протяженъ мой свистъ, и тебѣ триста разъ
я кричала,
Не нашла ничего, только жалко ягненокъ блеялъ.

Ты мнѣ трудную вещь обѣщалъ — какъ подарокъ
любимой,
Золотой дать корабль, и съ серебряной мачтой на
немъ,

Городовъ дать двѣнадцать, — чтобы въ каждомъ
былъ рынокъ богатый,
Подарить мнѣ дворецъ, бѣзъ дворъ на морскому
берегу.

Невозможную венцъ обѣщалъ, — какъ подарокъ
любимой.
Подарить мнѣ перчатки изъ рыбьей хотѣль че-
шши,
И изъ птичьихъ ты шкурокъ хотѣль подарить ба-
шмаки мнѣ,
И изъ лучшихъ въ Ирландіи платье тончайшихъ
шелковъ.

Мнѣ родна съ тобой говорить не вѣдѣла сегодня.
Не вѣдѣла и завтра, и мнѣ въ воскресенье мо-
чать,
Такъ со мной говорила родимая въ злую минуту.
Въ часъ какъ дверь затворяла, когда обворованы
былъ домъ.

Ты мой отнялъ востокъ, у меня и мой западъ ты
отнялъ,
Все, что было за мною, ты взялъ, все, что тамъ
предо мной,
Отнялъ Мѣсяцъ въ ночи, отнялъ съ Мѣсяцемъ
яркое Солнце,
И мой страхъ говорить, что и Бога ты взялъ у
меня.

ДЛИНОПОКРОВНАЯ.

Ръ тканый воздухъ облеченнай,
Нервозданная, влюбленная
Во влюбление людей,
Довременнымъ вихремъ вкинута,
Мирозданиемъ изринута
Съ ткань мѣннемыхъ затѣй, —

Надъ морями, надъ откосами,
Всѧ обрызганныя росами
Разсыпающихся звѣздъ,
Выше словъ и выше доводовъ,
Ты внимашъ свисту оводовъ,
Пролетѣвшихъ черезъ мостъ.

Подъ тобою разыгренная
Точить токъ рѣка вспѣненная,
Мечеть легкіе сиѣга.
Жеребцы за кобылицами,
Огнеглазый быкъ съ теллицами
Топчутъ сочные луга.

Будутъ вѣсъ они ужалены,
Вѣсъ вѣсахъ сверкнуть прогалины
Краснымы свѣтомъ лепестковъ.
Пѣсни птицъ, вѣзъ закручены,
Будутъ взвихрены, разучены,
Духъ полюбить звонъ оковъ.

Въ душу, взять твое внушеніе,
Миръ полюбить дымъ сраженія
Какъ душистое вино.
Безъ конца живя обманами,
Вбросяты Эллины съ Троинами
Въ цѣнь легендъ свое звено.

Но изъ раковины вкрадчій,
Изъ напѣвности угадчій,
Гдѣ съ Огнемъ слилась Вода,
Сказка, правдой распѣченная,
Въ тканый воздухъ облеченнaya,
Не уйдешь ты никогда.

ИМЕНА.

Несуществующихъ любимыхъ
Я вѣрный рыцарь. Въ добрый часъ.
Яви намъ тонкій пламень въ дымахъ,
Пропой волнующій разскать.

Несуществующихъ желанныхъ
Я соловийский трубадуръ.
Но изъ отдаленіяхъ туманныхъ
Костеръ любви угремъ и хмуръ.

Но молви имя. Волхвованье
Произнеси, — въ свой чередъ.
Существенно существование
Несуществующихъ живеть.

изъ закодований котомки
Чаруетъ яхонтъ глубиной.
Вадохните, дальние потомки,
Съ несуществующими, со мной.

Алѣе ягодъ барбариса,
Сгустилась раной грязь вновь,
Когда весенняя Лариса
Вонзила въ сердце мнѣ любовь.

Красиѣй, чѣмъ горькая калина,
И сладче меда, и свѣтла,
Вся въ брызгахъ молній, Катерина
Судьбою изъ сердце миѣ вошла.

Вѣщуньеи сказокъ, сновъ и плѣни,
Свивая дрему въ пелену,
Возникла лунная Елена,
И до сихъ поръ веду войну.

Душевныи миromъ осіянна,
Она, чье имя всѣхъ древній,
Ко миѣ подходитъ молча Анна,
И въ тихой я легендѣ съ ней.

Въ любви инезапнная, Наташа,
Ребенокъ въ страсти, Ноеми,
Тамаръ, о, жертвенная чаша,
Кровь — каждая — мою возьми.

Люси, и Дагни, и Марія,
И Мирра, блескъ и сладость сна.
Такъ отъ зари и до зари я
Въ вѣнокъ сплетаю имена.

Вѣнокъ-ли? Знакъ-ли свѣтлай пира?
Скажи, о, сердце изъ сердецъ,
Вѣнокъ-ли, вкрадчивая Кира,
Не остролистый-ли вѣнецъ?

АСЯ.

Не знаю, только ли сестра,
Или сестра ты и невѣста.
Но тамъ, гдѣ ты, сияющію мѣсто,
Лучей и снонъ сквозить игра.

Изъ золота и серебра
Старинной повѣсти загадка.
Цвѣтокъ, который дышать сладко,
И вотъ ему заснуть пора.

Побудь со мною до утра,
Заря огнистое сплетенье.
Ты въ полночь зыбкое цвѣтенье
Того, что было днемъ вчера.

ВАРЯ.

Теплым росы легли по цветамъ.
Полночь, юньской зарей окаймленная,
Въ каждомъ цветкѣ притаилась влюбленная.
Здѣсь золотое есть синее тамъ.

Ты шевельнула слегка лепестки.
Лаской нетронута, ласки хотящая,
Очи закрыты, проходишь ты сияющая,
Во-лѣ теченья великой рѣки.

Я тебя вызвалъ, дбросивъ лучи.
Я прикоснулся до тайны застѣничной.
Будь же со мной какъ цветокъ ненужничный,
Къ нашему счастью со мноюключи.

ЭСОИРЬ.

Я потонулъ въ голубой небошири,
Молнія вкрадчию сердце прожгла,
Волю сокгли поцѣлуи Эсоирь,
Ласка желания и полночь съѣтла.

Быще во миѣ шелестѣли страницы,
Домыслы Солнцемъ скиталяемыхъ странъ,
Зыбкія долго цѣлаю рѣчицы,
Таинствомъ дышеть миѣ черный тольцантъ.

ЛІЯ.

Причудливая Лія,
Тебѣ дала природа
Желанія живыя
И въ нихъ мерцанье меда.

Ты роза Іордана,
Ты, смуглая, свѣтла,
Вогляну, и сердце пынно,
Какъ венчанія пчела.

МЕЙТА.

О, ижинак Мейта,
Ты греза Востока,
Ты пѣсня, ты флейта,
Что гдѣ-то далеко.

И флейтой хочу я
Владѣть, дорогая,
Отнемъ поцѣлую
Въ ней пѣсню слагая.

СОФИЯ.

Звукъ Софія — лозунгъ мудрый,
Оттого изъ воздушныхъ косахъ
Ты среди черноволосыхъ
Ликъ являешьъ златокудрый.

Ты еще сонечъ загадка,
И, среди сестеръ одна,
Ты какъ тихая лампадка,
Въ часъ когда поетъ весна.

АГНЕСА.

Огненой ярости искра упала
Въ сердце, которое хочетъ.
Въ мірѣ горѣнье. Но пламени мало.
Сердце о большемъ хлоочетъ.

Вотъ почему ты сидишь у каминъ,
Желтой окутана шалью.
Грезится мысли пустыни. Равнина
Ската песчаною далью.

Въ краѣ далеконъ пятно изумруда,
Это оазисъ цвѣтующій.
Вѣрный избраникъ прибудетъ оттуда,
И уведеть тебя въ кущи.

ЗЭЛЬДА.

Газель обреченнай тихо дрожала.
Взнесенный зажегся мерцаниемъ ножь.
Какъ смерть безпредѣльна. И жизни какъ мало.
Какъ бѣгъ по лугамъ травянистымъ хороши.

Секунда, и брызнули алые струи.
Какому свирѣпому богу нужна
Кровавая брага? Къ землѣ въ поцѣлуй
Пришла убитая. Сонъ. Тишина.

Но былъ чарователь изъ томъ дѣстиѣ жестокомъ.
Онъ прахъ обагренный какъ глину смѣшилъ,
Вложилъ огнедухъ въ средоточны гаубокомъ,
Вдохнулъ въ извѣянье дрожаніе силъ.

И девушка встала. Открыта, румяна.
Готовая къ жертвѣ. Несчетно добра.
Идетъ, какъ выходитъ заря изъ тумана.
И смѣхъ ея спѣтелъ, какъ звонъ серебра.

ИНАМЭ.

Пять легкихъ звуковъ, Инамэ,
Во мгѣ поютъ свѣтло и звонко.
Махровой вишни, вполутынѣ,
Миѣ лепестокъ дала Японка,
И расцвѣла весна въ зимѣ.

Одинъ единый лепестокъ
Она мгѣ молча подарила,
Но въ немъ любовь на долгій срокъ,
Завѣдывающая сила,
Непечерпаемый намекъ.

На жемчугъ — жемчугъ по тесьмѣ,
И расцвѣла памъ хризантема
Въ синѣисто-блѣстивой чалмѣ.
Люблю тебя. Твой ликъ поэма.
Цѣлтокъ вулкана, Инамэ.

НИНИКА.

Ты нашла кусочек янтаря,
Онъ тебѣ дороже былъ червонца,
И вскричала, радостью горѣ: —
«Я нашла, смотри, кусочекъ Солница».

Затанѣй желаніе свое,
Ты вѣжала въ Море прочь отъ иши.
И вскричала: «Море все моё!»
И была какъ птица въ океанѣ.

Ты схватила красный карандашъ,
И проворно на клочкѣ бумаги
Начертила огненный миражъ
Солнечной молниеносной саги.

Ты взросла какъ тополь молодой,
Отъ смолистыхъ капель благовонный.
И пошелъ, какъ путникъ за звѣздой,
За тобой, путемъ Судьбы, влюбленный.

Я не знаю, въ чёмъ твой часъ теперь,
Между нами рѣки, горы, степи,
Но вездѣ въ тюрьмѣ ты слѣнишь дверь,
И играл разорвешь ты цѣпи.

КИРА.

Гдѣ ты, Бѣлый Лебеденокъ?
Я пою, прошептъ тоской.
Твой зазывный голосъ звонокъ
За рѣкой.

Ты была миѣ наслажденьемъ
Разметавшейся весны,
Затѣненьемъ, оѣиенемъ
Тишины.

Я тобою былъ волнуемъ,
Взятый вдругъ цвѣточной иглой,
Уязвленный подѣлаемъ,
Какъ стрѣлой.

Ты была миѣ радость лѣта,
Сказка въ сказкѣ, сонъ во снѣ,
Ты была движенье снѣта
На волнѣ.

Ты была ми^х въеръ смѣлый,
Что трепещеть чередой,
Юный лебедь, лебедь бѣлый
Надъ водой.

Ты куда-же улетѣла?
Прилетишь ли? Память длю.
И тебя я безъ предѣла
Все люблю.

ДАГНИ.

Правнучка Скандинавскихъ королей,
Валькирия, уставшая быть иѣхъ,
Во изорѣ дремлетъ. Море голубое,
Что знало многое веселья и рулей.

Скажу «Люблю», и этотъ изорѣ светлѣй.
Быть Полночь. И въ протяжно-мѣдномъ бой
Все прошлое, глухое и слѣпое,
Прозрѣвшіи, слышитъ долгій гулъ аллей.

Созванный звѣздится въ рожахъ росы.
Я ихъ влоскиль въ прославившійся стихъ,
Въ кувшинѣ вина, гдѣ много струй густыхъ.

Миѣ синется. Я Гаральдъ Свѣтловолосый.
Я твой, мечта. Мы двое. Воздухъ тихъ,
И для меня ты расплетаешь косы.

ЕЛЕНА.

Я переплыть съ тобою океаны,
Я пересѣкъ громады дикихъ горъ,
И пламенѣть слагался намъ въ костеръ,
И рододендронъ расцвѣталъ румяный.

Въ горячей Майѣ призракъ моренъ рдяный,
Въ Египтѣ, въ храмахъ древнихъ, тайный хоръ
Богопп., богинь, хранящихъ свой уборъ,
Самоа островъ счастья, Солнцемъ пыянный.

Ихъ много, стройныхъ странъ и острововъ,
Гдѣ въ сказку жизни заглянули двое.
Насъ обычало Море голубое.

Другъ къ другу мы пришли изъ мглы вѣкоръ.
Колибри, сновидѣніе съѣтовое,
Мы будежъ нить до смерти духъ цѣютъ.

Цвѣты цвѣты изъ преломленыи лѣта,
Ихъ было много, красочныхъ химеръ,
Порвать спѣшившихъ грань всѣхъ путь и мѣръ,
Когда пришла ты съ ласкою привѣта.

Ты вся была изъ старинный сонъ одѣта,
И я, какъ умиленный старовѣръ,
Вступилъ съ тобою изъ храмовой размѣръ.
Торжественно-напѣваго совета.

Я разлюбилъ тобою — лепестки
Цвѣтонъ, струящихъ сладкій чадъ отравы.
Ты мнѣ дала сіянье тихой славы.

Въ часовнѣ, гдѣ забвеніе тоски,
Мы рядомъ, мы светло въ блаженstвѣ правы.
И вспыхнутъ ожерельемъ огоньки.

КАТЕРИНА.

За то, что ты всегда меня любил,
За то, что я всегда тебя любилъ,
Твой ликъ зечть невыразимо-милъ,
Ты власть души и огненная сила.

Надь жизнью рѣешь ты ширококрыло,
Тебѣ напѣвъ и заданъ всѣхъ кадилъ,
И тѣмъ твой духъ меня освободилъ,
Что ты, любоя, ревиуж, ревность скрыла.

Пронзенный, предъ тобой склоняюсь въ прахъ.
Люблю долго жилыя колѣни.
На образъ единственному ни тѣни.

Расцвѣты дышутъ изъ розовыхъ кустахъ.
Дышенью чувства нѣть ограничений.
Я храмъ тебѣ построю на холмахъ.

ДВОЕ.

Уста къ устамъ, безгласное лобзанье,
Закрытье глазъ, мгновеніе безъ конца,
Съ иѣкой смертной блѣдностью лица,
Безыѣстно — счастье или истязанье.

Два лика, перешедшіе въ сказанье,
Узоръ для сказки, пѣсня для пѣвица,
Лицъ розы, воскуренный сердца,
Два мира, въ жуткомъ таинствѣ касаны.

Души къ душѣ мгновенный пересказъ,
Ихъ савань, и нарядъ ихъ предикнечный,
Алмазъ минуты, но въ оправѣ вѣчной.

Узнать другъ друга сразу, въ первый разъ
Ромео, ты сейчасъ въ Дорогѣ Млечной
Съ Джульеттой ткени изъ искръ свой звѣздныи
Части.

МЕРЦАНИЕ.

Глаза затянутые дымкой тонкой иьги.
Волна расплескавшая брилгами на берегъ.
Заринцъ разметанные сина, изложъ огней.
Любви почудившейся сикть стъ игрой тѣней.

Глаза осмыкленные тайной глазъ хотившихъ.
Цѣпти зажегшися сказкой изъ темныхъ чашахъ.
Любовь проносящая болю и свѣтло.
Вспропищающее — ликъ мечи — вредо.

СОЛНЦЕ.

Солнце, горячее сердце Вседенной,
Ты восходишь и бродишь, ты плывешь и исхо-
дишь,
И въ томительной жизни такъ расчисленно-плѣни-
кой
Золото блеска ты къ полночи сводишь.

Я стою на предѣлѣ, и изромъ кровавымъ
Ты уходишь за горы, упльваешь за Море,
Я смотрю, по надъ лѣсомъ, осеннимъ и ржавымъ,
Только кѣтеръ — съ собой въ вѣковозъ раз-
говорѣ.

Вотъ я одинъ. Кладъ утраченъ мой цѣнныій.
И хоть цѣлое Солнце заключаю я изъ сердце,
Разлюбинъ человека, я лишился Вседенной,
Нѣть больши вѣры въ единовѣрцѣ.

НОЧЬ.

Ночь, съ миллионами солнцъ, разбросавшихся въ
дали бездонной,
Ночь, въ ожерельяхъ изъ звѣздъ, и въ запасть-
яхъ изъ синихъ планетъ,
Ночь, всеокрестная тьма, и вселенскій покой
углубленный,
Ночь, замиреные души, выходить не хотацей изъ
свѣта.

Ночь, я любилъ какъ никто, и стократно я раненъ
любовью,
Ночь, изъ тебя я исхѣль, но смысла красоту
я съ тоской,
Ночь, вся изъ чернѣйшихъ шелкахъ, о, дозволь
мнѣ прильнуть къ изголовью,
Ночь, инспустись мнѣ въ глаза, погрузи меня въ
вѣчный покой.

ЗОВЪ.

И лепетъ сказочный полузаснувшихъ птицъ,
И тѣнь дремотная сомкнувшихъ рѣсницъ,
И тишиз закрывшихъ двустворчатыхъ темницъ.
Гдѣ жемчугъ будущій еще поверженъ ницъ,
И пряжа зыбкая пѣмѣющихъ зарницъ,
И кликъ слабѣюшій отлетныхъ переницъ.
И строки вѣщія желтѣющихъ стравинцъ
Одно горѣніе, свѣча однихъ божницъ,
Зовущихъ къ видѣнью наѣхъ ушедшихъ лицъ.

ЧЕРЕПЪ.

Тихъ на полѣ зряцій черепъ,
Вѣстовой иѣмыхъ вѣковъ,
Говоритель мертвыхъ словъ.
Если-бъ дать ему покровъ
Кроинъ, плоти, — иь равной яѣрѣ-бл.
Онъ со мною, иь дымкѣ сноить,
Слушать жѣдный бой часовъ.

Сердце къ сердцу разсказало-бл.
Что проворный бѣгъ минутъ
Тамъ соткаль, какъ ткетъ, и тутъ.
Звѣзденный звонный жгутъ
Словъ, признаній, сказокъ, жалобъ,
Что твердыня и редуть
Ненабѣжно упадуть.

Въ мячъ играть-ли или въ крикетъ,
Въ мечъ, въ прапору, въ конѣ, и щитъ,
Или въ камень маргаритъ,
Или иь зорный цвѣтъ лавитъ,

Но видѣвъ и Египетъ,
И изъ святинь пирамидъ
Живъ одинъ рисунокъ пытъ.

Сердце вѣрио побороло-бъ
Вѣчность жажды видѣть сонъ,
Если-бъ понялъ каждый онъ.
Что напѣви всѣхъ временъ
Только стоки въ дымный жолобъ,
Гдѣ текутъ со всѣхъ сторонъ
Миги мареиъ, мертвый алонъ.

На узорѣ, на примѣрѣ-бъ
И любая здѣсь она
Увидала, что дана
Намъ иль люблены глаубъ безъ дна,
Что разуменъ только черепъ,
И его судьба вѣрна,
Ибо изъ смерти тишина.

МЪРА.

Тьма черты перемѣщаетъ.
Ночь — изъ края тѣневого.
Ночь спокойна. Отчего я
Такъ печаленъ въ этой часъ?
День всечасно обѣщаетъ,
Но не сдерживаетъ слово,
День лукавитъ, зданья строя,
И обманываетъ насть.

Воздухъ ночи необманенъ,
Нѣть на ткани кисти линией.
Отчего-жь пугаетъ сѣрий
Цѣль, предвѣстье черноты?
Я стрѣлою черной равенъ,
Я грушу о правдѣ вышиней.
Только солнечную мѣрой
Мѣрю зерна Красоты.

ВОЛНЫ И ВЪ НЕВОЛЬ.

Въ заточеныи мнѣ дано
Только тусклое окно.
И желѣзною рѣшеткой
Такъ исчерчено оно,
Что Луну не вижу четкой:—
Чуть засвѣтится — она
Въ клѣткѣ вся заключена.

Въ заточеныи мнѣ даны
Только вѣрадчивые сны.
Чуть изъ дымныхъ средоточий
Въ кроиѣ темной тишины
Подойдѣть забвенье ночи. —
И дремотой облечень,
Синей сказки дышнеть ленъ.

Вижу Море изо льна,
Бѣть лазурная волна,
Много синихъ струй и точекъ.
Голубая глубина,
Жинъ сафировый цвѣточекъ.
Мой челнокъ, мнѣ данный сномъ,
Рѣть и. Морѣ голубомъ.

КРУГЪ.

Слышать ночное дыханье
Близкихъ уснувшихъ людей.
Чувствовать волнъ колыханье,
Зыбъ отошедшихъ страстей, —

Видѣть, какъ, вѣчно гадая,
Сиріусъ въ небѣ горитъ,
Видѣть, какъ брызнетъ, свадая,
Въ небѣ одинъ хризолитъ, —

Знать, что безвѣтность отъ дѣтства
Быстрый приснившійся путь,
Водыло растратить наслѣдство,
Больныи и нищіи уснуть.

ЗОЛОТЫЕ ГВОЗДИ.

Звезды — гвозди золотые,
Богъ ихъ изъ небъ пойти неровно
Въ стѣну голубую.
Рѣки тамъ текуть литыя,
Перепутанно-литыя,
Въ каждой токъ есть безусловно,
Выбери любую.
Чуть заснешь, увидишь четко:—
Въ небѣ настъ уносить лодка
Въ Млечный Путь.
Мы тамъ будемъ. Мы тамъ будемъ.
Засыпай же. Все забудемъ,
Чтобы вспомнить что-нибудь.

МАЛКЪ.

Мы не знаемъ, какія вліянія авѣздъ безъ конца
отдаленныхъ
Сочетались въ рѣшеніе къ жизни воззвать, и къ
отдѣльности насть.
Но мы чувствуемъ авѣзы сквозь наши рѣсищч
въ видѣніяхъ сонныхъ,
И мы чувствуемъ авѣзы въ нашъ самый неволь-
ный влюбленный ионъ, часть.
Мы не знаемъ, какими путями, болотами, лѣсомъ,
горами
Мы пойдемъ неизбѣжно по этой назначеннѣй теч-
ной землѣ,
Но мы знаемъ, что звенья, мы знаемъ, что звѣзы
за нами, предъ нами,
И плывемъ на малкъ, вырываясь къ благому въ
разлившемсяся злѣ.

Я.

Мы всѣ равны предъ Высочайшимъ Свѣтомъ,
Который дать намъ, и прихоти своей,
Несчетность ликовъ, снѣтъ и тѣней,
Разсыпавъ настъ, какъ краски пышныи лѣтомъ..

Гдѣ болыше правды? Въ днѣ, лучомъ одѣтомъ,
Или въ провалѣ бархатныхъ ночей?
Я левъ, и лань, и голубъ я, и змѣй.
Сто тысячи я пройди, я стать постою..

Межъ мной и Высшимъ, чую, грань одна,
Лишь острѣе мгновенія до Бога.
Мгновеніе — жизнь, мой домъ. Я у порога.

Хоть изъ дома, я виѣ дома. Въ безднахъ сна
Понять, что изъ мірѣ правда лишь одна,
Есть изъ бездорожья вѣриая дорога.

ЖИВОЙ И ВЪ СМЕРТИ.

Объять кольцомъ пустыни раскаленной,
Гдѣ ликъ самуна кажеть желтый цветъ,
Оазисъ изъумрудный соигъ одѣть,
Съ рѣкою голубой и въ жизнь влюбленнай.

Съ зарею дышать лотосъ умиленный,
Качая въ чашѣ синеватый сиѣть,
Папирусъ, лучшай символъ межъ пригѣть,
Уводить въ храмъ съ колонною ианесеной.

Тамъ въ золотистыхъ звѣздахъ потолокъ,
Тамъ дѣва-матъ, икринка супруга,
Вернула въ жизнь растерзаннаго друга.

Вадымаюсь къ Солнцу, обелиски высокъ,
Семь тысячъ лѣтъ, твой медъ еще не выпить,
Живой и въ смерти, садъ богомъ, Египетъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГИМНЪ

Каирского Папируса.

Привѣтъ Тебѣ, Ты милосердный,
Владыка радости, сіянья и добра,
Хвалю тебя хвалой усердной,
Могучай Ра.

Высокія ты носишь перья,
Круговоротную, какъ переназъ, змѣю,
Ты день выводишь изъ преддверья,
Тебя пою.

Твое явленье любять боги.
Ихъ два, высокіе, всѣ въ пламеняхъ, вѣнца,
Горятъ въ лучахъ твои дороги,
Имъ нѣть конца.

Весь міръ, въ сіянны, въ братствѣ дружномъ,
Многочисленны идутъ стада. Пора.
Твоя любовь на небѣ Южномъ.
Могучай Ра.

На небѣ Ствѣрномъ отрада,
Ты красотой своей пленяешь всѣ сердца,
Ты побѣждаяшь сплой взгляда,
Огнемъ лица.

Единый ликъ, иль звенящемъ гудъ,
Творецъ единственный, потокъ безъ береговъ,
Иль глазъ твоихъ, возникли люди,
Ротъ — сонмы богоны.

Ноля, и гибѣда итицъ небесныхъ,
Луга, и малая пора,
Тобою живы искъ, ты иль зарослихъ древесныхъ,
Могучій Ра.

Проснулась тихая личинка,
Раскрыть просяцій ротъ итеница,
Тобой на стебелькѣ озарена росинка,
Ты жизни яйца.

Принѣть тебѣ отъ всѣхъ живущихъ,
Онѣ со множествомъ вседостающихъ рукъ,
Истокъ для усть блаженно-пьющихъ,
Всемірный янукъ.

Всѣ святы, но ты не спишь за гранио.
Придется добрая для всѣхъ живущихъ игра,
И всѣ твои — съ благородною данью,
Могучій Ра.

Периже всѣхъ горицій рано,
Отъ высоты небесъ до широты земной,
Входящій изъ глуби Океана,
Огонь родной.

Тебѣ отъ каждой твари слава,
Шъсъ величанія отъ всѣхъ окрестныхъ странъ,
Предъ силой сѣтлаго устава
Звучить тимпанъ.

Твое величество безмѣрино,
Раскинуль небо ты, тобой занеслась гора,
Ты вѣчно тотъ, чье имя иерно.
Могучій Ра.

Всѣ боги чувствуютъ величье,
И, волю давшаго имъ жизнь въ себѣ храня,
Они ликуютъ, стая птичья,
Въ лучахъ отия.

Создатель дрогнувшей Вседевной,
Отецъ отцовъ, и богъ, родитель всѣхъ, богочестіе.
Прими напѣнь нашъ вдохновенный,
Весь жемчугъ словъ.

Ты, давший скрѣну изѣчнымъ осямы,
Ты, Зодчій, давший мигъ до завтра отъ ичера,
Тебя мы сердцемъ превозносимъ,
Могучій Ра.

ЦВЕТОЗЫБЬ.

Я видѣлъ лазурное облако,
На небѣ окружно-оранжевое,
Оно походило на плахти,
Гдѣ только одни касильки.
Быть красный и жёлтый основою,
Но лентою густо-лилововою
Загиблось теченье рѣки.

Блестя чешуею сиреневой,
Она протекала въ отъсности
Безмѣрныхъ удавовъ, рѣшившихся
Изгѣрить весь зриный просторъ.
И въ жёлтой пустынѣ молчани
Нагдѣ не вспыхало звучанія,
Весь слухъ прератился во изоръ.

Вблизи аметистовъ разбрьзганныхъ
Взростали стволы чернодерева,
Качался на вѣткахъ эбеновыхъ
Вулкано-багряный расцвѣть.

Накъсм ето ленестковые,
Все новые сибъсы и новые,
Цвѣтапійтъся градъжки бредъ.

Они разжигались какъ молніи,
Спиралась изъ ковры огнебрызгами,
Держались подолгу какъ радуги,
Цѣли воскуреньемъ заринцы.
Но въ странной пустынѣ молчанія
Нигдѣ не дрожало акутаніе,
Ии духовъ, ии звѣра, ии итицъ.

Прошли безконечности времени,
Лазурное облако ширилось,
Рѣка уходила къ безбрежности,
Русло перешло на уклонъ.
Вдругъ даль съ тѣмеными предѣлами
Грудини зазыблась блыши,
И долгій возникъ перезвонъ.

Две блыши тѣла, дѣвъ женщины,
Одна какъ заря, златокудрая,
Другая съ полночными косами,
Но обѣ одѣты въ иѣка.
И въ бѣженый ширь, вереницами,
Исалмы полетѣли за итицами,
И брызгала кровью рѣка.

КАКЪ ВОЗНИКАЕТЪ СТИХЪ.

Какъ возникаетъ стихъ и вѣчній?
Меня спросилъ ребенокъ малый.
И быстро стала играть съ ребенкомъ
Въ разбѣгъ мечты и въ прятки слова.
Какъ возникаютъ забѣды въ небѣ?
Его спросила я, усмѣхаясь.
Они горяги. — ить теплой ночи,
И золотятся — въ чернотѣ.
Какъ возникаетъ цветъ твоядки?
Во мглѣ земли танцется сѣмя,
И, съ сладкой болью разломившись,
Зеленый выпустить ростокъ.
Упорный стебель, притѣзшиесь
Къ землѣ корнями, ждетъ и цветы,
Онъ любить воздухъ, сѣять и вѣтру,
Онъ любить Солнце, смыну зорь.
Пылинки малой не пропустить,
Которая нужна для пряжи,
Росники малой онъ не сбросить,
А выплыть въ ней бокаль вина.
И отъ тоски и отъ желания,
И отъ любви — родится сердце

Зеленое, зовется почкой,
Цветочными узникомъ сино.
И къ часть, когда ударить Солнце
Свой златоблагоѣсть по небу
И колоколь округло-синий
Лучистой музыкой звучать,
Въ сердечкѣ маломъ и зеленомъ,
Которое дрожитъ подъ изѣромъ,
Вдругъ станетъ горячо и иѣжно,
Оно краснѣеть отъ стыда.
Такъ хорошо ему и бывало,
Изъ тайны хочется изъ воздуха,
Опять разрыва, опять раскрытье,
И разломилъ изумрудъ.
Мерцаеть алая гвоздика,
Блаженныи сиятъ ружинецъ,
Извѣстъ зарево желанья,
Поеть безмолвныи угольюкъ.
Такъ возникаетъ стиль изнучий,
И все красивое, что въ мірѣ
Зоветь нась къ празднику, и сердцу
Быть изъ сѣрыхъ будняхъ не велить.
Волшебенъ жемчугъ въ ожерельи,
Но онъ изъ раковины скользкой,
Онъ изъ глубинъ, гдѣ слизь и гады,
И все же вырвется къ лучу.
Волшебно золото изъ запястий,
И въ золотомъ кольцѣ, и въ колечкѣ,
Что малыхъ обручей умѣть

Двояхъ иль одинъ смишать напѣнь,
И круто, кругло такъ сверкаетъ,
Какъ будто хочетъ разскажать намъ,
Что покачусь, моль, по землѣ я,
И будеть вся земля моя.
Волшебно золото, якай
Стущеніе солнечныхъ горѣній,
И заставляя человѣка
Свершить и самый тяжкій трудъ.
Но это золото, иль которому
Разскѣть дневной и праздникъ вышній,
Родится между скаль безплодныхъ,
Въ безгласно-мрачномъ сердцѣ горы.
И что красицѣ сибиринки?
Но долженъ воздухъ остудиться,
Замерзнетъ міръ кругомъ, предъ тѣмъ какъ
Запляшутъ лѣздачки иль вѣтрахъ.
Учись иль кристаллахъ знанью жизни,
Учись любить и быть красивымъ,
И не бояться измѣниться,
И остынить свой влажный мигъ.
Изъ черной глубины колодца
Воды испынешь ты самой свѣжей,
И самый авонкій возгласъ сердца
Изъ самой тягостной тоски.
Такъ возникаетъ стихъ пѣвучий
Узнайте это, дѣти міра,
Чтобъ вы умѣли нарядиться,
Когда вѣсъ праздникъ позвоветъ.

ТАПИА ПРАХА.

1.

Были сонные растенья,
Липко-сладкая дрема.
Полуснить и полутьма.
Полуявь и привиденья.
Ожиданье пробужденья.
Въ безднахъ праха терема,
Смерть, и рядомъ жизнь сама

Были странные растенья.
Пышный папоротникъ-цвѣтъ,
Послѣ долгихъ смутныхъ лѣтъ,
Вновь узнать восторгъ цвѣтенья.
И людскія заблужденья,
Весь дневной нарочитый бредъ,
Я забыть и быть поэты.

Б другъ исчезло средостѣнье
Между тайною и мной.
Я земной и неземной.

Илю изъ сердцъ тиготъи,
И шептали мнъ растеня
«Въ ирахъ глубокій дверь открои.
Заступъ изъ руки. Гаянь и рой».

2. -

Колыбелька корабликъ,
На корабликъ счасть.
Улетаетъ и зябликъ,
Нужно трапикъ пропасть.

Колыбельку качаетъ
Триста бѣшеныхъ бурь.
Кто плыветъ, тотъ не чуетъ,
Какъ всевластия лазурь.

Полевая кобылка
Не поетъ. Тишина.
Колыбелька морская,
Захлестнула волна.

Колыбелька послушна,
Пританцовъ зерно.
Ахъ, какъ страшно и душно,
Какъ бездонно темно!

Колыбелька корабликъ,
На корабликъ счасть.

Онъ согрѣется, заблѣкъ,
Въ ожиданіи вѣдѣ.

3.

И ждать ты будешь миллионъ минутъ.
Быть можетъ, мечты. Ровно вдвое.
Ты будешь тамъ, чтобы, вновь проснувшись тутъ,
Узнать волненіе живое.

И ждать ты долженъ. Стынь. Молчи. И жди.
Познай всю скорченность уродства.
Чтобъ новый деньъ быть сбѣжимъ впереди.
У дна не будетъ съ ночью сладості.

Но изъ должный мигъ порвется шелуха,
Корней качнутся развѣтленыя.
Сквозь изумрудъ сквозистаго стиха
Къ строфѣ цветка избодрится маинъ.

Привѣтствуй смерть. Тебѣ изъ неё лучшій гость.
Не тщетно, сердце, ты боролось.
Слоновая обѣзга златомъ кость.
Лоза — вину. И хлѣбу — колосъ.

Я облекался въ саванъ много разъ.
Что говорю, я твердо знаю.
Возьми изъ свой перстень этотъ хризопрасть.
Иди къ неизѣдому краю.

4.

«Красные капли!» Земля возстала,

«Красные капли! Ихъ мало!

«Въ нѣдрахъ творенія — красное здѣво,

Чтобъ возсодать человека.

«Гунь онь, и скунь онь, и глухъ онь, и пѣнь онь,

Кровь пролившій Демонъ.

«Красные капли скорѣй проливайте,

Крови жгъ, крови давайте!

«Месть совершающій, выполнитъ ищуще,

Это Земля есть рѣшенье.

«Месть обернется, и будетъ распятъ,

Только не изъ этой, не изъ этой.

«Бойтесь, убившіе! Честь убіенныхъ!

Смѣна въ станѣ есть, безынионъ.

«Кровь возвратится. Луна возврѣдится,

Мстителю месть отомстится!»

5.

Я сидѣлъ на весеннемъ веселомъ балконѣ.

Благовоніо цвѣла и дышала спрені,

И березки, изъ чутъ ингрии, сквозя пересвоятъ,

Навѣкали жгъ въ сердце дремоту и лѣни.

Я смотрѣлъ незамѣтно на синія очи
Той, что рядомъ была, и смотрѣла туда,
Гдѣ предвѣстіемъ сношь утолѧющей ночи
Подъ Серпомъ Новолуния, горѣла звѣзда.

Я узналъ, что подъ сердцемъ она, молодая,
Ощущала того молоточка ударъ,
Что незримыя брызги заметаетъ, спрядая
Въ новоликую склонку, восторгъ, и пожаръ.

Я постигъ, что за бурами, съ трескою новой,
На землѣ возникаеть такой чудовищъ,
Ція котораго будетъ лишь Солнце основой,
И разныи по небу изѣдящиихся рѣкъ.

Я взглянула, и травника въ саду, проростая,
Вопівала, что и мірѣ есть место для вѣчнъ.
А на небѣ часовни росла золотая,
Гдѣ быть сердцемъ замоленъ растаянній
грѣхъ.

ПЕРСТЕНЬ.

1.

Въ водѣ затона ины отраженье
Баюкаетъ дремотную мечту,
Ведеть ее тихонъко за черту
Путями безглагольнаго виновенія.

Кто знать за страстнѣй счастьемъ постри-
женіе,
Онъ перенесъ иль мая иль тѣмноту.
Но въ сумракахъ я кружечно плету.
Сфѣденіе скрѣпъ и ираконъ разрѣзаніе.

Спокойнъ монастырскій старый садъ,
Въ немъ съ цѣбтомъ цѣбть заводить разговоры,
А въ храмѣ то встаютъ, то молкнутъ хоры.

Безбрежность, изъ зіру, выросла преградъ,
Луга, поля, равнины, рѣки, боры,
Нагроможденье каменныхъ троекадъ.

2.

Нагроможденье камениныхъ громадъ
Безыбранныхъ перстнемъ острогъ оковало,
Гдѣ радостей минувшаго такъ мало,
Но гдѣ мечта всегда идеть назадъ.

Душа, познавъ, разумный любить ладъ.
Кто знать разбѣгъ и все кипѣнье вала,
Въ немъ радостность скитанья миновала,
Въ немъ струны тихой музыкой дрожать.

Цвѣтотъ, дерентъ, ихъ пышныхъ изобилій,
Красивы чаши крупныхъ блокахъ розъ,
Какъ будто, грезя, создать ихъ морозъ.

Кадильницы молитвенныхъ лілій,
Красивъ у монастырскихъ блокахъ вратъ.
Гвоздики злой тоикій ароматъ.

3.

Гвоздики алой тонкий ароматъ
Ведеть мечту изъ начальные расцѣты,
Когда весь міръ душъ даваль отпѣты,
И мысль еще не вѣдала утратъ.

Ты быль со мной, давно умершій братъ,
Съ тобою мы были изъ молиіі одѣты
Мы были духи, геїи, посты,
Я пѣсни наши записать быль радъ.

Гвоздики малой рдяное цѣтенье
Ведеть еще волнующій разскать
О пламени иныхъ, желанныхъ глазъ.

Всѣхъ, именнихъ, заѣздъ мерцасть къ нихъ, те-
ченье,
Всей Вѣчности предновѣщеннай часть,
Любимаго къ любимой приподнесенье.

4.

Любимаго къ любимой приближене
Пропѣто иъ Пѣсни Пѣсней всѣхъ временъ,
На земи самыхъ яростныхъ знаменъ,
Въ безумствахъ дѣль, иъ размахѣ достижены.

Тончайшая игра воображенья,
Дрожанье всѣхъ волшебныхъ веретенъ—
Въ жерлѣ любви, — всевластенъ кто изблѣнъ,
Безъ сна любви — безцѣльное круженье.

Но божески прекрасны мы лишь разъ,
Когда весною любимъ мы вперые,
Мы на землѣ, но небожъ мы живые.

Тотъ пламенъ вдругъ блеснула, и вдругъ погасъ.
Позднѣе — тьмы и сѣга иъ нась смѣщенъе.
Морской волны всигнечное движенье.

5.

Морской волны величественное движенье
Влечетъ иль еще не познанную даль,
Гдѣ синяя пльваетъ и печаль,
Гдѣ талисманы новаго здѣшня.

Быть можетъ, страхъ, быть можетъ, преступ-
ленье?

Миѣ все равно. Миѣ ничего не жаль.
Я знаю, какъ въ битвахъ расцѣпляетъ сталь,
Мы адѣсь сподна въ водѣ предизначены.

Отъ берега до берега — моря.
Въ двухъ рубежахъ — пространство голубое,
Закатъ въ одномъ — въ другомъ краю — заря.

Чтобъ третій былъ, должны встрѣчаться двое,
И нуженъ, чтобы брызнулаъ водопадъ, —
Иль иѣнѣтъ иль молнией громъ, его раскатъ.

6.

Въ квіцѣ изъ мознїй гроздь, его раскатъ,
Печаль вселенскїй вѣчной Литургії,
Лишь изъ бѣшенствѣ разлома всѣ стихіи
Звѣздительно-красивы многократъ.

Не только губить жатву крупный градъ,
Въ немъ праздникъ формы, пляски круговыя.
И старый сказъ объ искушившемъ Змію
Весь перевинуть изъ пылящій виноградъ.

Единой всепслерциваныя силой
Вступили въ снѣтъ изъ тьмы небытія
И дикій смерчъ и малая струя.

Предъ творческой мечтой ширококрылой
Равны — цѣлтокъ лужайки, горицѣ скать.
Орель, и тигръ, и мотылекъ, и гадъ.

Орель, и тигръ, и мотылекъ, и гадъ
 Въ единомъ святкѣ роковая строки,
 Новинности, для всѣхъ одной, уроки,
 Все вещество — одинъ спящій Градъ.

Сознаніе безумій набить,
 И пляшущій бубенчикъ въ поволокѣ
 Тумановъ, предразскѣтныхъ, — одиноки
 И дружно слитны, звуку звукъ — собрать.

Что бьется изразительный для слуха,
 Мое-ли сердце, взятое стрѣлой,
 Или изъ прозрачной паутинѣ — муха?

Мы боль разно кладемъ на аналой.
 Всѧ жизнъ есть жертва, міръ — богослуженье.
 Все изъ жизни міропой есть выраженье.

Все въ жизни міровой есть выраженье
Единаго предибѣшаго Лица,
Въ которомъ боль и радость безъ конца,
И наши лица лишь отображенье.

Творящихъ силъ качанье и броженіе,
Борьба, чтобъ жить, какъ факель, духъ борца,
Путь розъ и путь терноваго зѣница,
Тьмы темъ въ путяхъ къ лучамъ преображенія.

Ты слышалъ птицу? Что въ ней можетъ быть?
Какой-то исканье. Намъ этотъ звукъ не приятенъ.
А въ немъ предѣльный зовъ, мольба любить.

И мы могли бы въ пѣснѣ радость пѣть,
Когда-бы законъ міроятъ намъ былъ понятенъ:--
Все хотеть хоть минуту говорить.

9.

Все хотят хоть минуту говорить,
Чтобы, лишь из жить свою отдельность,
Выйдаться въ многосложившую цѣльность,
И смыслъ чертой новой открыть.

Намъ нужно быть боготворить,
Пролить на все внимание и молельность,
Познать предѣль и рваться въ безпределность,
И разрушать, чтобы новое творить.

Для парственного счастья созданы
Целкии металлы калить мы горячий,
Взять изъ пани радость, полноту страданья.

Сжатъ, изгнать для оправою ночей.
Умѣть сказать, въ рѣшенніи суровомъ,
Молчаніемъ и напряженіемъ словомъ.

10.

Молчаниемъ и напряженіемъ словомъ,
Мятежнымъ воплемъ мечущей души,
Молитвою, затепленной въ тиши,
Грозой, что ломить сучья по дубровамъ, —

Прорывожь къ даянью, дальше, къ даянью во-
вымъ,

Призывожь страсти: «Ней! Бери! Ступи!» —
Всѣ смѣлые разыги хороши,
И трубить рогъ удачи быстрымъ ловамъ.

Упиться страстью, иѣза и любя,
Упиться битвой, пляской вдохновенія,
Упиться чѣмъ-нибудь, но до забвенья, —

Вотъ лучшій путь, чтобы найти себя,
И тѣшиться подъ бархатнымъ покровомъ,
Зѣздой небесь и запахомъ сословымъ.

11.

Зибадой небесь, и зашахомъ сосновымъ,
Росинкой травъ, и молией въ грозѣ,
Алмазомъ, загорѣвшимъ къ слезѣ,
Играеть духъ, и прачется подъ кровомъ.

Работаетъ пчелой въ цѣлѣкѣ медовомъ,
Ярится въ быстролетной стрекозѣ,
Крутится струйкой изъли на стѣзѣ,
Съ усѣйшкой смотрить изоромъ чернобровымъ.

Мелькнетъ, лаянада ночи, свѣтлякомъ.
Нависнетъ аметистовымъ удашомъ,
Червемъ, какъ храмъ, земли источить комъ.

Возникнетъ альбатросомъ величавымъ,
Задумаетъ людей тканью учить
Крестовикомъ, свою скрутившимъ нить.

12.

Крестовикомъ, свою скрутишишь вить,
Была такая сплетена картина,
Что изъ снорѣ сражена была Аениа,
Всю жизнь богоинь судиль възоръ онь витъ.

Онь радугой умѣеть распалить
Отъединенный замокъ властелина,
И такъ легко-изящна паутина,
Что кружево линь можно съ неї сравнить.

Всѣ существа владѣютъ тайнымъ даромъ,
Своимъ, хотя не все, что изъ мірѣ есть,
И что дробится численнымъ пожаромъ.

Способенъ, человѣкъ изъ нѣкакъ прочесть.
Хотъ разный листъ данъ соловьямъ и сошамъ,
Одногъ огонь бѣжитъ по всѣмъ основамъ.

13.

Однъ огонь обжигъ по всѣмъ основамъ,
И тайнопись огня разсмотритъ мы
И въ яростномъ пришествіи чумы,
И въ странныхъ снахъ, являющихся вдовамъ.

Всѣмъ Буддамъ, Брамамъ, Зевсамъ, Иегонамъ
Являлся свѣтъ въ предѣльностяхъ тюрьмы.
Благословимъ же царство нашей тьмы,
Но подожжемъ ее костромъ, багровымъ.

Сожжемъ себя, коль золота хотимъ,
Сожги себя, коль хочешь возрожденья,
Жарь-Птицей будешь, рѣющей сквозь дымъ.

Изъ новыхъ струй сверкнетъ иное нѣне.
Отъ перстия получи, — чтобы сонъ сбывасть, —
Желанье въ юношъ мигъ, свой сохранить.

14.

Желанье изъ нѣчноя мигъ свой сохранить
Дается всѣмъ, одинъ горитъ алмазомъ,
Другой трудою, благословеніемъ, глазомъ,
Но каждый можетъ ликъ свой отгнить.

Лишь лѣни не дай себя склонить,
И остріемъ пройди по цѣлкимъ связамъ,
Циклономъ дней владѣть строгій разумъ,
Умѣй отнемъ нарядъ свой измѣнить.

Былъ самородокъ изъ рудникѣ глубокомъ.
Въ горнило брошенъ, измѣнилъ свой ликъ,
И кругъ искусно сковавъ. Яркии окомъ

Въ немъ самоцвѣтъ колдующій венчикъ.
Такъ точно, по закону вороженья,
Въ водѣ зеркала ины отраженье.

15.

Въ водѣ затона ины отраженье,
Нагромождены каменныхъ грянды,
Гвоздики алої тонкій ароматъ,
.Любимаго къ любленой приближенье, —

Морской волны всевиенное движенье,
Въ ивицѣ изъ молнии громъ, его раскатъ,
Орель, и тигръ, и жирафъ, и гэдъ,
Все изъ жизни мировой есть выраженье.

Все хотеть хоть минуту говорить,
Молчаниемъ и напряженными словами,
Знѣздой небесъ и запахомъ сосновымъ, —

Крестовикомъ, свою скрутилиши нить,
Одинъ огонь бѣжитъ по ястмѣ основамъ,
Желанье къ вѣчномъ ищъ свой содранить.

ПРИМІРЕНЬЕ.

Отъ тебя труднѣшую обиду
Принялъ я, родимая страна,
И о томъ пропѣлъ я панихиду.
Чѣмъ всегда иль душѣ била весна.

Слово этой пытки повторю-ши?
Боль была. Я боль иль себѣ храни.
Но въ набатномъ блаженствѣ и гулѣ
Все, не дрогнувъ, отдалъ я огню.

Слава жизни. Есть прорызы злого,
Долгія страницы слѣпоты.
Но нельзя отречься отъ родного,
Сѣдѣніе мифъ, Россія, только ты.

ЗВѢЗДНЫИ ВОДОМЕТЬ.

И видѣлъ звѣздныи водометъ,
Какъ будто Сѣверное вдали сияніе.

Воздушныхъ искръ застывшій взлетъ,
Сквоистыхъ занавѣсей переливаніе.

Отъ снахъ легчашія пухъ,
Соткавшій вѣрами игру слѣпную.
Смотрѣль изъ безденностъ Вышиній Духъ,
Стремя кудесничествомъ тоску безграницную.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Мать Моя	5
Даръ Землѣ	6
Желтая Роза	7
Зеленый Дискъ	8
Симфонія	9
Говоры	10
Пламецвѣть	11
Радуга	12
Погаснетъ Солнце	13
Четыре Звена	14
Брызги	15
Тихая Минута	16
Путь	17
Костеръ	18
Олень	19
Въ Горахъ	20
Золотые Столбы	21
Вороиба	22
Ночная Бабочка	23
Древній	24
Паутинки	25
Цѣльточный Звонъ	27
Вороиба Рѣсницъ	28
Изъ Пламени	29
Осень	30

Невѣрности	31
Въ Кубитѣ	32
Забавы	34
Солнечный Знакъ	36
Бросить	37
Врубель	38
День	39
Башня	40
Ступени	42
Теремъ	43
Созвездіе	44
Летучій	45
Джигитуй	46
Занѣтъ	48
Жанда	49
Ночной Дождь	50
Въ Тишинѣ	51
Дуга	52
Любимая	53
Чара	54
Черкешенскъ	55
Безспорно	56
Стрекозна	57
Какъ яркій лучъ	58
Вѣнокъ	59
Надъ Ручьемъ	60
Цвѣтъ Пшеницы	61
Сестра	62
Звѣзда	63
Полночь въ Цвѣтѣ	64
Вишня	65
Роза	66
Если-бъ	67
Сафиръ	68
Цѣльность Счастья	69
Три Птицы	70

	Стр.
Видение	71
Непобежденный	72
Судьба	73
Музыка	74
Твои Глаза	75
Идущая прямо	76
Я и Ты	77
Хоть немножко	78
Пять Буквъ	79
Часть Души	80
Безъ Словъ	82
Жемчуга	83
Минута	84
Жажды	85
Вино	86
Хрусталь	87
Бесѣда	88
Дѣть Птицы	92
Ирландская Дѣвушка	94
Длиннопонровная	96
Имена	98
Ася	100
Варя	101
Эсейръ	102
Лія	103
Меїтта	104
Софія	105
Агнеса	106
Зельда	107
Инаж	108
Ниника	109
Кира	110
Дагни	112
Елена	113
Анна	114
Катерина	115

	Стр.
Двое	116
Мерцанье	117
Солнце.	118
Ночь	119
Зовъ	120
Черепъ	121
Мѣра	123
Воля въ Неволѣ	124
Кругъ.	125
Золотые Гвозди	126
Маякъ.	127
Я.	128
Живой и въ Смерти.	129
Четвертый Гимнъ.	130
Цѣтозыбы.	133
Какъ возникаетъ стихъ.	135
Тайна Праха.	138
Перстень	143
Примиреніе	158
Звѣздный Водометъ.	159

УКС 11

Tous droits de reproduction, de traduction et d'adaptation réservés par
Copyright by the "Rousskaya Zemlia" in Paris.

Цена: 7 фр. 50.

**University of Toronto
Library**

**DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET**

LR 570367
Bal'mont, Konstantin Dmitrievich
Лар्�п земль.
BL945der
cTransliterated: Dar zemlye.3

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

